

Восточный Архив

№ 16, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Восточный архив

Издается с 1998 г.

Редакционный совет

Р.Б. Рыбаков – председатель
В.И. Шеремет – зам. председателя
В.М. Алпатов
Д.Д. Васильев
Н.М. Емельянова
В.С. Мясников
О.Е. Непомнин
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
А.Л. Рябинин
Т.А. Филиппова
А.Н. Хохлов
П.М. Шаститко
Т.Л. Шаумян

Редколлегия

В.И. Шеремет – главный редактор
В.В. Беляков – зам. главного редактора
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
И.В. Зайцев
А.Ш. Кадырбаев
М.Т. Кожекина

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Верстка

Г.М. Абишева

Журнал издается

Институтом востоковедения РАН
и Обществом востоковедов РАН
103031, Москва, Рождественка, 12
Тел.: (495) 621-80-03
E-mail: ivrap@org.ru

Позиция редакции не обязательно
совпадает с мнениями авторов

При цитировании ссылка на журнал
«Восточный архив» обязательна

Подписано в печать _____

Объем 14,0 п. л. Тираж 300 экз.
Отпечатано в типографии Максимова
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Институт востоковедения РАН
© Общество востоковедов РАН

Слово редактора 3

Кадырбаев А.Ш. Иностранцы на российской службе
в Средиземноморье в эпоху Екатерины Великой 4

Саламова Н.А. Кавказ и Крым в русско-турецких
отношениях от Рештского договора до Гянджинского
трактата (1732–1735) 11

Патлай Д.Б. Цусимский инцидент 1861 года. Политические
причины и последствия 16

Хохлов А.Н. Российские православные школы в Палестине
и Сирии на рубеже XIX–XX вв. 20

Соколовская О.В. Россия в миротворческой акции
европейских держав на Крите 29

Хохлова В.П. Душой с Россией. Русская женщина в Марокко... 40

Беляков В.В. И.Я. Билибин в Египте 51

Хохлов А.Н. Журналист-китаист В.Н. Рогов в Китае
в период антияпонской войны 1937–1945 гг. 56

Хазанов А.М. Португальские колонизаторы на Цейлоне
в XVI в. 66

Потабенко С.И. «Мир Божий». Турки и китайцы в учебнике
для будущих офицеров 79

Авджи Ясемин. Танзимат в городе: к вопросу
о муниципальном управлении в османской провинции 81

Котюкова Т.В. Прошение коренного населения Туркестана
о прекращении изъятия земель у кочевников 91

Лагвилава Т.И. К проблеме восстановления автокефальности
Грузинской церкви 98

Арапов Д.Ю. Мусульманское население Эриванской губернии
в 1893 г. 103

Зайцев И.В. Автограф Л.И. Жиркова на книге из фонда
ЦВК ВГБИЛ 105

Из архива Института востоковедения РАН

Тамазишвили А.О. Н.И. Конрад о научной работе директора
Тихоокеанского института АН СССР Е.М. Жукова 106

Наши юбиляры

Служу востоковедению! Служу ИВ РАНу! К 60-летию
Д.Д. Васильева 108

Oriental Archive

No. 16, 2007

CONTENTS

Editor's notes	3
KADIRBAEV Alexander. Foreigners employed by Russia for its Mediterranean fleet at the time of Catherine the Great	4
SALAMOVA Napisat. Caucasus and Crimea in Russian-Turkish relations (1732–1735)	11
PATLAY Denis. Tsushima incident of 1861. Political reasons and repercussions	16
KHOKHLOV Alexander. Russian Orthodox schools in Palestine and Syria in the late 19th – early 20th century	20
SOKOLOVSKAYA Olga. Russia in peacekeeping operation of European Powers at Create	29
KHOKHLOVA Valentina. Russian lady in Morocco	40
BELYAKOV Vladimir. Russian artist Ivan Bilibin in Egypt	51
KHOKHLOV Alexander. Soviet journalist Vladimir Rogov in China (1937–1945)	56
KHAZANOV Anatoliy. Portuguese colonialists in Ceylon in the 16th century	66
POTABENKO Svyatoslav. Turks and Chinese in a Russian military textbook of the middle of the 19th century	79
AVGI Yasemine. Tanzimat: Municipal governments in Ottoman provinces	81
KOTYUKOVA Tatiana. Petition of the native population of Turkestan to the Russian government	91
LAGVILAVA Timur. On restoration of independence of the Georgian Orthodox Church	98
ARAPOV Dmitriy. Moslem population of Erevan province in 1893	103
ZAYTSEV Ilya. On an autograph of Russian orientalist Leonid Jyrkov	105
 <i>From archive of the Institute of Oriental Studies</i>	
TAMAZISHVILI Alexander. Academician Nicolay Konrad on scientific research of Eugeny Jukov, director of the Pacific Ocean Institute	106
 <i>Jubilees</i>	
60 th anniversary of Prof. Dmitriy Vassiliev	108

Слово редактора

Уважаемые коллеги!

Очередной выпуск «Восточного Архива» совпадает с очередным же событием в жизни всех востоковедов мира – ИКАНАС-38 в Анкаре. Величины – выпуск журнала и международный конгресс – не сопоставимые ни по каким параметрам. Кроме одного-двух.

Конгресс демонстрирует профессиональные высоты и достижения мирового сообщества ориенталистов, показывает их заинтересованность во взаимных контактах. Наш журнал следует своей логике – логике декларированной им опоры на документы при защите концептуальных позиций и убеждений.

Архивное востоковедение, коему общие теоретические и базовые документальные основы было суждено доктринировать впервые на страницах «Восточного Архива» и на мировой уровень выйти на ИКАНАС-37 в Москве, обрело новое звучание и в этом, примкнувшем к ИКАНАС-38 выпуске. В номер вошли статьи и публикации наших коллег из регионов (Дагестан) и зарубежья (Турция). Внутренняя нацеленность статей (без организующего перста редколлегии) преимущественно гуманитарно-миротворческая (см. статьи дуайена корпуса архивистов-востоковедов А.Н. Хохлова, достославных В.В. Белякова и В.П. Хохловой, нашей прелестной коллеги-балканистки О.В. Соколовской).

Редсовет и редколлегия обращаются к коллегам с просьбой с особым вниманием отнестись к рубрике «Из архива ИВ РАН», которую открыл досточтимый А.О. Тамазишвили. Коллеги! Найдите в своих столах-закромах любопытные материалы, как это сделал Перо и Око «Восточного Архива», бесценный наш С.И. Потабенко (см. материал в номере), и приобщайте к публикациям. Всем будет интересно, а потомки наши, читая с любопытством в исходе XXI века подшивки «Восточного Архива», умильную влагу с ресниц смахнут...

Архивное востоковедение – это наша индивидуальная и коллективная тропа в будущее ориентальных наук.

В.И. Шеремет

А.Ш. Кадырбаев (ИВ РАН)

ИНОСТРАНЦЫ НА РОССИЙСКОЙ СЛУЖБЕ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В ЭПОХУ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

«Восточная» политика традиционно занимала важное место в истории России. Ее составной частью во второй половине XVIII в., помимо основных стратегических целей – стремления к овладению проливами Босфор и Дарданеллы, воссозданию Византии под эгидой Российской империи и разделу державы Османов, было и средиземноморское направление, вне сомнения, являвшееся частью «восточного» вопроса. Активизации российской политики в Средиземноморье, в первую очередь в бассейне Эгейского моря, способствовали процессы, связанные с затяжным внутривосточным кризисом Османской империи, что выразилось и в усилении национально-освободительного движения христианских народов – греков и южных славян, подвластных османам. Это отчасти явилось следствием политики императрицы Екатерины II в 1760-е годы, много достигшей в признании влияния России на европейскую политику, когда она стала «играть <...> роль, равную роли главных держав»¹, что породило надежды христианских народов на освобождение от власти Османов с русской помощью. В свою очередь присутствие России в 1769–1774 гг. в Эгейском море предоставило ей новые инструменты политического воздействия на дела Европы, а появление российского военного флота в восточном Средиземноморье окончательно утвердило за Россией статус морской державы.

Активными проводниками российской средиземноморской политики были выходцы из разных стран и нерусских народов Российской империи, натурализовавшиеся в этой стране и находившиеся на российской службе. И наиболее высокопоставленной особой из их числа в России в то время была сама императрица Екатерина II, чье влияние на российскую средиземноморскую политику трудно переоценить, поскольку именно она лично определяла внешнюю политику Российской империи. Нельзя не засвидетельствовать ее необыкновенный талант конспиратора при подготовке средиземноморской экспедиции и организатора, сумевшего создать

команду, благодаря деятельности которой и был во многом обеспечен успех предприятия². Ее царствование было столь заметно для величия и славы России, что Екатерина, единственная из царей и цариц нерусского происхождения (а их было немало на Руси – Симеон Бекбулатович, Борис Годунов, Екатерина I, Петр III), вошла в ее историю с почетным званием «Великая». Да и из собственно русских по происхождению государей за всю историю Государства Российского такой чести удостоился лишь Петр I.

Проникновение в Средиземноморье требовало от России укрепления ее военно-морского флота, что было в то время немыслимо без приглашения на российскую службу флотских офицеров-иностранцев. Среди них с 1764 г. на службе России находился шотландец Самуил Карлович Грейг, который в чине капитана первого ранга перешел на русскую службу из британского флота и прославился как герой Чесменского морского сражения, где он командовал арьергардом, умело организовав блокаду османской эскадры. Он впоследствии стал известным российским флотоводцем, главным командиром Кронштадта, основной военно-морской базы России на Балтике. Командуя Балтийским флотом в русско-шведской войне 1788–1790 гг., он разгромил шведский флот при Гогланде. Его сын Александр Грейг также стал российским адмиралом и достойным преемником отца³. Англичане Дж. Эльфинстон и Арф командовали русскими эскадрами в Эгейском море в 1769–1770 гг.⁴

Надо отметить нейтральное отношение британского правительства к средиземноморскому мероприятию Екатерины II. Английские власти закрыли глаза на вербовку в своей стране офицеров-волонтеров для российского флота, игнорируя протесты рейс-эфенди – османского руководителя ведомства иностранных дел⁵. Лорды британского Адмиралтейства содействовали российским военным кораблям средиземноморской экспедиции, снабжая их мачтами, снастями, лоцманами, разрешили им заходить в английские порты и осуществлять там необходимые за-

купки, в том числе и вооружения, а также ремонт. Всего в это время в русском флоте служило 35 английских офицеров. Помимо выходцев с Британских островов, на российскую службу были приглашены корабельные мастера и морские офицеры Венеции и Мальтийского ордена⁶. Поверенным Российской империи в делах на Мальте был назначен итальянец, маркиз Кавалькабо, прибывший в Средиземноморье из России с эскадрой Г. Спиридова и имевший поручение от императрицы Екатерины привлечь Орден в качестве союзника для участия в русско-турецкой войне в бассейне Эгейского моря⁷.

Активным участником боевых действий русского флота в Эгейском море в 1769–1770 гг. против османов был морской офицер-артиллерист Иван Абрамович Ганнибал, сын «арапа Петра Великого», соратника русского царя Петра I, инженера и генерал-аншефа русской армии, прадеда великого русского поэта А.С. Пушкина, африканца Ибрагима или Абрама Петровича Ганнибала и шведки Христины Шеберг, чей отец являлся офицером российской службы. В 1769 г., через год после того, как Османская империя объявила России войну, подполковник Иван Ганнибал получил повышение и стал командующим морской артиллерией эскадры адмирала Г. Спиридова, в июле 1769 г. направлявшейся из Балтики в Средиземное море. Под командой бригадира И. Ганнибала был десантный отряд в 2500 человек. В 1770 г. тридцатипятилетний старший сын чернокожего «арапа Петра Великого» показал себя героем во время кампании в Эгейском архипелаге. Г. Спиридов подыскивал хорошо защищенный порт для русской эскадры на берегах Морейского полуострова. Выбор его пал на османскую крепость Наварин. Он приказал майору князю Долгорукому овладеть ею, но последний доложил, что «не нашел возможным брать приступом крепость, хорошо вооруженную и защищенную многочисленным гарнизоном». Тогда овладеть крепостью было приказано Ганнибалу. Прибыв в Наварин с одним фрегатом и двумя небольшими кораблями, после массированной артиллерийской бомбардировки он высадил десант из 300 русских морских пехотинцев, к которым добавил греческих волонтеров. С кораблей были спущены крупнокалиберные орудия, а на берегу, с восточной и западной стороны, установлены батареи.

После двухнедельной осады крепость па-

ла, а Иван Ганнибал был назначен ее комендантом. Ему было поручено восстановление захваченной крепости. За проявленную в этом бою отвагу и умелое руководство войсками Иван Ганнибал получил от российского правительства орден Святого Георгия 3-ей степени. Уже через два месяца он снова отличился. В знаменитом Чесменском сражении, которое состоялось 24–25 июня в Эгейском море, Ганнибал, будучи цейхмейстером, то есть командующим артиллерией соединенной русской эскадры графа, приказал изготовить четыре брандера, то есть четыре судна с горючими и взрывчатыми веществами, предназначенные для поджога и подрыва вражеских кораблей. В ночь на 26 июня брандером под командованием лейтенанта Д.С. Ильина был «взорван на воздух весь турецкий флот, укрывшийся в Чесменской бухте»⁸. Три других брандера постигла неудача. Брандер сначала поджег самый крупный корабль османов, а затем пожар распространился на другие корабли неприятельского флота. Причем сам Ганнибал распоряжался брандерами и ставил задачи перед их капитанами.

Заслуживает внимания отношение И. Ганнибала, как и всех российских военных моряков, участников Чесменского сражения, к пленным османам. Русские спасали турок с тонущих кораблей и с возмущением пресекали попытки греческих волонтеров устроить резню безоружных пленных. Искусство Ивана Ганнибала в управлении артиллерийским огнем соединенной эскадры также вызывало восхищение и во многом предредило поражение османского флота. За этот подвиг И. Ганнибал удостоился чести получить награду – ленту и орден Святой Анны из рук императрицы Екатерины Великой и 7 декабря 1772 г. был произведен в генерал-майоры российской армии.

Успешное участие в экспедиции русского флота в восточное Средиземноморье явилось для сына «арапа Петра Великого» своего рода трамплином в его дальнейшей карьере. В 1777 г. указом императрицы И. Ганнибал был введен в состав коллегии Адмиралтейства – военно-морского министерства Российской империи, а 25 июля 1778 г. ее же именным указом И. Ганнибалу было поручено «построение новозаводимого на Днепре при Александровском шанце города с надлежащими укреплениями, и в оном верфи и адмиралтейства». В том же указе ему были по-

священы лестные слова Екатерины II: «От известных нам усердия к службе и искусства ваших ожидаем, что вы в сем важном и государству полезном деле, на вас возлагаемом, преуспеете». Символично, что комиссию по строительству нового города возглавлял граф А.Г. Орлов, старый командир И. Ганнибала, носивший уже фамилию Орлов-Чесменский. По предоставленным комиссией расчетам этот город, ныне известный под греческим названием Херсон, был лично спланирован Иваном Ганнибалом. Город строился непосредственно под его руководством в течение трех лет, когда он был назначен на должность главного директора работ в Херсоне. 1 января 1779 г. он стал генерал-поручиком, с сохранением должности генерал-фельдцейхмейстера. Иван Абрамович Ганнибал может считаться отцом-основателем города Херсона. В 1781 г. он получил ленту и орден Александра Невского.

Венцом карьеры на российской службе человека, овеянного славой Чесменского сражения, могут быть благодарные в его адрес слова Екатерины Великой: «Усердие и ревность, с которыми выполняете вы волю Нашу в столь важном и полезном для Государства деле, обнадеживает Нас всеми теми успехами, коих Мы к славе Отечества от сего ожидаем...»⁸

За подвиги в Чесменском сражении были награждены орденом Святого Георгия 4-го класса и другие выходцы из иностранных фамилий, служившие Российской империи: бригадиры и капитаны флота Барш, Круз, капитан-лейтенанты Дугдаль, Маккензи, лейтенанты флота Псаро, Войнович, Алексано, флигель-адъютант Ризо. В Российском государственном архиве Военно-морского флота хранится текст указа Екатерины Великой о пожаловании им орденов. Дугдаль и Маккензи были командирами брандеров, не сумевших прорваться и взорвать турецкие корабли, но проявивших мужество и героизм. В 1775 г. они были повышены в чине и стали капитанами 2-го ранга.

Во второй половине XVIII в. южную Грецию и острова Эгейского архипелага посетил российский агент, молдаванин, некто Хаджи-Мурат, владевший турецким языком. Посещали эти земли и другие российские «агенты»: венецианский грек Иван Петушин, В.С. Тамара, знаток и переводчик турецкого языка, будущий посол в Турции. Тамара вел разведку под прикрытием археологических

изысканий⁹. Раньше всех на греческих берегах Эгейского моря стали действовать еще в 1763 г. тайные российские эмиссары, посланные Орловыми. Офицер русской службы артиллерийский поручик Георгий Папазоли служил в свое время в Санкт-Петербурге в артиллерийском полку под началом графа Г.Г. Орлова, самого влиятельного лица в России в первые годы правления Екатерины Великой и вдохновителя российской политики в Средиземноморье. Изгнанный османами из пределов отечества, Папазоли активно поддерживал русскую политику, побуждал греков к восстанию против османских властей¹⁰. Вместе с ним в Грецию был тайно направлен его соплеменник Манолис Саро, человек экзотической профессии, поставлявший из Африки в Россию диких зверей. Он осел в Санкт-Петербурге, сколотив на своем «промысле» небольшой капитал, и жил на проценты с него. По его словам, он испытывал «большую привязанность к вере своих соотечественников». Такого рода настроения, наряду с авантюризмом, вероятно, и обратили на него внимание Г.Г. Орлова, тогда фаворита российской императрицы. Как пишет в своем прошении Саро, «был я позван в 1763 г. к его светлости князю Григорию Григорьевичу Орлову, который предложил мне ехать тайно в Морею и иные греческие места, для узнания, — в каких расположениях тамошние жители относительно до здешнего двора находятся, и для приуготовления их заранее к будущей Турецкой войне»¹¹. Инициатива Орлова была частной, и он пообещал Саро большое вознаграждение по возвращении.

М. Саро на свои средства отправился в путь с поручиком Г. Папазоли. В дороге оба претерпели немало злоключений: Саро попал в плен к триполийским пиратам, был искалечен и выкуплен знакомым греком. Папазоли попал в плен к балканским пиратам из города Ульчи и был освобожден австрийским консулом. Папазоли направил двух своих эмиссаров в Морею для установления тайных связей с лидерами местных греческих общин, находившихся в османском подданстве. На Пелопоннесе с одним из этих эмиссаров, Иваном Палатино, встретился М. Саро. «С оным Палатино был с лишком два года, — писал М. Саро, — ездил по разным греческим островам и городам, объявляя жителям все, мне здесь князем Григорием Григорьевичем повеленное, отвлекая их от повиновения

к Порте Оттоманской и научая их прибегнуть к всемогущему покровительству Великия Екатерины, защитницы их и поборницы веры их. Такими и подобными внушениями ободря унылой их дух, привел я старшин первейших тамошних фамилий к должной Вашему Императорскому Величеству присяге, которую оные подтвердили во множестве писем, присланных потом сюда к князю Григорию Григорьевичу»¹². По возвращении в российскую столицу Саро представил Г.Г. Орлову подробный и квалифицированный отчет о своей миссии, впервые высказав идею о посылке российской военно-морской экспедиции в Средиземное море для организации и поддержки греческого восстания. Саро старался представить дело таким образом, что греческие подданные Османской империи только и ждут сигнала в виде появления русского флота в Средиземном море, чтобы восстать против турок. Отчет Саро завершался словами: «По моему усердию смею представить о том, чтобы отправить в Средиземное море против турок 10 российских военных кораблей и на них погрузить пушек довольно число: завидевши их, греки бросились бы на соединение с русскими: у греков есть свои немалые суда, но их надобно снабдить пушками»¹³. Отчет произвел, вероятно, большое впечатление на императрицу Екатерину и Орловых, особенно мысль о посылке кораблей и необходимости снабдить их дополнительными пушками и оружием для восставших греков. Поэтому не случайно, что в передовой эскадре Г. Спиридова насчитывалось именно 10 боевых кораблей. В 1766 г. Папазоли вновь направился в Морею, чтобы сообщить грекам о скором прибытии в Эгейское море русских боевых кораблей с морскими пехотинцами на борту и призвать их к всеобщему восстанию против османского владычества.

С 1767 г., осуществляя подготовительные мероприятия к походу российского флота в Эгейское море, российское правительство отправило в Италию, якобы для лечения, а на деле для уяснения степени готовности греков Эгейского архипелага к восстанию против Османской империи, доверенных лиц императрицы Екатерины II, известных персонажей российской истории графов Орловых. В их свите «находятся господин полковник Герсдорф и кавалергард господин Бухгольц»,¹⁴ немцы, верой и правдой служившие России, офицеры по «особым поручениям»,

осуществлявшие постоянную связь этой тайной миссии с Санкт-Петербургом, а также закупку в Германии, в Карлсбаде, стрелкового оружия для греческих повстанцев.

К тайной миссии Орловых примкнул венецианский граф южнославянского происхождения, словенец Иван Войнович, а за ним последовали члены его семьи и среди них его кузен, будущий адмирал русского флота Марк Войнович. За активную вербовку своих соотечественников на российскую службу Иван Войнович был обвинен венецианскими властями в «великом преступлении», приговорен к смертной казни с конфискацией имущества. Он оказал своей новой родине большие услуги как активный участник важных сражений русского флота в восточном Средиземноморье – на Митилене, под Патрасом и Бейрутом, а также в тайных сношениях А.Г. Орлова с арабскими шейхами, оппозиционно настроенными к османам, и в организации управления Эгейским архипелагом, куда после русско-турецкой войны граф Иван Войнович был назначен российским консулом¹⁵. Капитан 2-го ранга Марк Войнович в 1781 г. по приказу всевышнего к этому времени фаворита Екатерины светлейшего князя Григория Александровича Потемкина во главе русской военной эскадры из Астрахани через Каспийское море подошел к берегам Персии, где в Астрабадском заливе на персидском берегу основал русское торговое поселение и станцию, как тогда называли военно-морские базы. Однако Войнович и его офицеры были арестованы персидскими властями и в обмен на свободу вынуждены были разрушить станцию и поселение, возвратившись в 1782 г. в Астрахань.

Во время своего пребывания в течение двух недель в Италии Орловы установили контакты и общались с представителями высшей итальянской аристократии, особенно греческого и южнославянского происхождения и православного вероисповедания. Кроме семьи Войновичей к их числу можно отнести графов Моцениго, Джика (или Гика), Маруцци; впоследствии некоторые из них, как и Войновичи, навсегда остались на русской службе¹⁶. Дальнейшая вербовка местных волонтеров-добровольцев для предстоящих военных действий в поддержку русского флота и греческого восстания в Морею и на островах Эгейского архипелага происходила уже через местные владетельные дома, имевшие влияние среди сельских жителей, и

через городских предпринимателей – купцов-судовладельцев и капитанов, таких, как богатые и влиятельные в Италии семьи Алексано, Поликути, Псаро, Ризо.

Венецианец Антонио Джика по поручению А.Г. Орлова пытался вербовать волонтеров в воинский легион не только среди греков, южных славян и итальянцев, но и албанцев, обещая им «еще и больше, нежели они хотеть могли»¹⁷.

Важную роль в организации осуществляемых Екатериной II мероприятий по подготовке российской военно-морской экспедиции в Эгейское море, – наряду с тайной миссией Орловых, – сыграл привлеченный на русскую службу венецианский маркиз и банкир Пано Маруцци, происходивший из семьи эпириотов. Богатый род Маруцци греческого происхождения владел крупными финансовыми средствами и недвижимостью. Переход на русскую службу и приобретение высокого российского покровительства были для Пано Маруцци столь привлекательны, что он соглашался исполнять поручения русского двора безвозмездно. Впрочем, как выяснилось, маркиз взял под свою ответственность кредитование итальянских расходов Архипелагской экспедиции, и, скорее всего, не остался без материального выигрыша. По сути заинтересованность была взаимной. В 1767 г. в Москве он был представлен, вероятно, графом Г.Г. Орловым, императрице Екатерине II и имел с ней одну или даже несколько продолжительных конфиденциальных бесед. Императрица должным образом оценила его политическую ловкость и средиземноморские связи и составила о нем благоприятное впечатление, о чем можно судить по тем деликатным поручениям, которые она доверяла Маруцци, а также по предоставленному ему праву письменно напрямую обращаться к ней. Как бы авансом, в счет будущих заслуг, по ходатайству Г.Г. Орлова, императрица наградила Маруцци орденом Святой Анны, прежде чем он приступил к исполнению своих обязанностей в Италии. Как сказал глава российской Коллегии иностранных дел граф Н.И. Панин, это объяснялось важностью «привлечения к интересам двора нашего столь богатого дома, каков есть Маруцци, да и в той земле, где оной нам со временем и небесполезен быть может»¹⁸. Но все это было окутано тайной. 10 марта 1768 г. было официально объявлено о назначении П. Маруцци российским

поверенным в делах при Венецианской республике и «других торговых городах Италии». Назначение Маруцци на высокий дипломатический пост произошло с нарушением некоторых правил обмена дипломатическими представительствами. Но, видимо, у императрицы не было времени выдерживать дипломатический этикет, поскольку необходимо было организовать дипломатическую и финансовую поддержку тайной миссии Орловых в Италии, якобы вышедших в отставку ради лечения в этой стране.

Обязанности Маруцци не ограничивались помощью миссии Орловых. Он информировал о ситуации в Черногории, о ходе восстания на Корсике против Франции, о попытках тайных переговоров с корсиканским предводителем Паоли с целью в перспективе обеспечить на этом острове базы для русского флота. В круг обязанностей, вмененных П. Маруцци русским двором, входило и поощрение состоятельных греков переселяться в Россию: «Если люди греческого вероисповедания обратятся с желанием переселиться в Россию, в таком случае имеете марки наблюдать их высочайшею Ее Императорского Величества милостию и протекциею и, наведываясь о их состоянии и ремесле, обстоятельно сюда доносить <...> ожидая отсюда резолюции»¹⁹. Таким образом, являясь поверенным в делах, Пано Маруцци весьма успешно служил русскому двору в его средиземноморской политике.

Венецианский патриций Деметриус Моцениго также стал российским дипломатом. С 1770 г., находясь в восточном Средиземноморье, в Леванте, он поступил на службу Российской империи без чина. В 1773 г. за участие в русско-турецкой войне был произведен в подполковники, а в 1776 г. в том же чине направлен в Италию в звании морского генерального комиссара, где в 1780 г. был назначен генеральным консулом России в Пизе. В 1782 г. Д. Моцениго аккредитован российским поверенным в делах при королевском Тосканском дворе. Благодаря его инициативе Россия впервые в своей истории установила дипломатические отношения еще с одним крупным средиземноморским государством – султанатом Марокко. После поражения в русско-турецкой войне 1769–1770 гг. в восточном Средиземноморье османы уже не могли препятствовать, как раньше, российско-марокканским контактам. Эти контакты выражались теперь не только в переписке

между марокканским султаном Мухаммедом III и Екатериной II, но и в предоставлении россиянам, как и другим западноевропейцам, режима наибольшего благоприятствования во владениях марокканского султана, в частности, свободного доступа в марокканские порты морских судов, и в обмене дипломатическими представителями. Так, в 1778 г. в Марокко личным представителем Екатерины II в ранге посла Российской империи был назначен Кинсбергер, немец по происхождению²⁰.

Интересна личность грека Теодоро Алексано, который ранее был доверенным лицом тунисского бея, затем оказался на британской службе, где с согласия английских властей взял на себя еще и обязанности российского консула на острове Минорка. Там по поручению А.Г. Орлова он готовил склад и госпиталь для российских эскадр, прибывающих в Средиземное море. Два его брата, Паниоти и Александр, примкнули со своими судами к эскадре Г. Спиридова весной 1770 г. Паниоти Алексано поставлял русской эскадре лоцманов, в дальнейшем он прославился в ряде сражений, особенно командуя морским боем под Дамьеттой. Четвертый младший брат, Антон, поступил на службу в русский флот годом позже. Все три последних брата Алексано остались на русской службе²¹.

Именно благодаря широкой поддержке со стороны греческих и южнославянских капитанов, а также британских властей, военные действия российской средиземноморской эскадры в Эгейском море успешно разворачивались по заранее разработанному А.Г. Орловым и его окружением плану, когда русский флот пребывал вдали от родных берегов и собственных баз снабжения. «Санктпетербургские ведомости» сообщали со ссылкой на итальянские источники, что греки и южные славяне в ожидании прибытия русского флота строят мелкие суда для ведения военных действий против османов, а множество искусных стейрманов направилось с островов Эгейского моря навстречу русской эскадре для препровождения ее в восточное Средиземноморье. Когда русский флот появился в западном Средиземноморье, у Балеарских островов, чтобы присоединиться к нему, собралось много вооруженных галер с островов Идра, Псара, Специя, чьи жители славились как искусные мореходы²².

Успех средиземноморской экспедиции русского флота и победа в русско-турецкой

войне 1769–1770 гг. были подготовлены не только тайной миссией А.Г. Орлова, возглавившего затем объединенную эскадру в Эгейском море. По приказу Екатерины II была активизирована подрывная деятельность против османов русской агентуры не только в бассейне Эгейского моря, но и вообще на Балканах. Российские агенты проследовали также в Черногорию, Албанию и Дунайские княжества для организации там выстулений против османов²³. История оставила имена некоторых из этих агентов, в частности, тайных эмиссаров в Черногорию, офицеров российской службы – уже упомянутого выше полковника-немца Герсдорфа, серба Княжевича, полковника Эздемировича, поручика Ефима Белича, также выходцев из южнославянских народов. Таким образом, если атаковать османов россияне собирались у островов Эгейского моря и берегов Малой Азии и Греции, то возбуждать против них единомышленников предполагали по всей территории Балканского полуострова.

Участие иностранцев, российских подданных, в экспедиции русского военно-морского флота в Эгейское море в 1769–1770 гг. и в событиях, имеющих к этому непосредственное или косвенное отношение, явилось в определенной степени отражением традиции, заметной еще в ранний период истории России. Тогда на русской службе преобладали выходцы из тюркских народов, поскольку на повестке дня для российского государства стояло поглощение их земель. Число европейцев на русской службе возрастало по мере того, как основной вектор внешней политики России, особенно с эпохи Петра Великого, смещался в западном и юго-западном направлениях. Привлечение иностранцев на «государеву службу» приняло особенно широкие масштабы при «собираании земель» под скипетром российской короны, когда нерусские граждане России и их потомки – греки, южные славяне, немцы, шотландцы, англичане, итальянцы, молдаване и даже африканцы, приумножали ее просторы и славу, как это и происходило в эпоху Екатерины Великой в Средиземноморье накануне, во время и после русско-турецкой войны 1769–1770 гг. И здесь нет ничего необычного, поскольку, как свидетельствует всемирная история, принцип создания любой империи всегда зиждется не на моноэтнической, а на многонациональной основе, и Российская империя наглядный пример тому.

Примечания

¹ *Смилянская И.М.* К истокам средиземноморской политики Екатерины II // Восточный архив, № 2-3, 1999, с. 87.

² Русский архив. 1871. С. 1320-1321. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в государственном архиве Министерства иностранных дел России // Сборник русского исторического общества. Т. X, СПб., 1872, с. 385; Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 434, оп. 1, д. 58, л. 1-44.

³ *Соловьев В.* Новая популярная энциклопедия. История Отечества. М., 2000, с. 189.

⁴ Письма императрицы Екатерины II к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. 1764-1773 гг. // Русский архив, 1871, с. 1337.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 89-8. Сношения России с Турцией. Ед. хр. 1893.

⁶ Там же. Ф. 6-6. Сношения России с Мальтой. 1746-1801. Ед. хр. 5, л. 1-3; *Шеремет В.* Война и бизнес. М., 1996, с. 218-286.

⁷ Из инструкции Н.И. Панина от 19 июля 1769 г. Цит. по: *Смилянская И.М.* Военно-политическая деятельность А.Г. Орлова в Средиземноморье и греческое освободительное движение // Восточный архив, № 4-5, 2000, с. 95.

⁸ *Морозов С.А.* Д.С. Ильин – герой Чесменского сражения. СПб., 2005, с. 12-13; Русский биографический словарь. Том «Гааг – Гербель». СПб., 1914.

⁹ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 173, оп. 1, д. 79, л. 87; *Смилянская И.М.* Военно-политическая деятельность А.Г. Орлова..., с. 93.

¹⁰ Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX веков. СПб., 1873.

¹¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 10. Кабинет Екатерины II. Оп. 1, ед. хр. 645, л. 94-95.

¹² Там же.

¹³ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Сочинения. Книга XIV. М., 1994, с. 272.

¹⁴ Циркуляр вице-канцлера князя Голицына к нашим представителям при иностранных дворах. Петергоф, 21 июня 1768 // Русский архив, 1876, № 7, с. 270.

¹⁵ РГАДА. Ф. 15, оп. «Госархив», ед. хр. 181; ф. 10-1. Кабинет Екатерины II. Ед. хр. 645, л. 197-199.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 315, оп. 1, д. 460, л. 1; *Смилянская И.М.* Военно-политическая деятельность А.Г. Орлова... С. 93.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 2-6. Внутренние коллежские дела. Д. 7177, № 90, л. 475-476.

¹⁸ Там же. Ф. 41-3. Сношения России с Венецией. Ед. хр. 13, л. 1.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 14, л. 20.

²⁰ *Подгорнова Н.П.* История связей России с Марокко. 1778-1830 гг. По документам Архива внешней политики Российской империи МИД РФ // Восточный архив, № 1, 1998, с. 11-30; АВПРИ. Ф. «Сношения России с Турцией», оп. 89-8, д. 131, л. 17-18 об., перевод с арабского. Письмо посла Марокко в Тоскане Мухаммеда бен Абдель Малека вице-канцлеру Российской империи И.А. Остерману.

²¹ Общий морской список царствования Екатерины II. СПб., 1890, с. 28-33.

²² «Санктпетербургские ведомости». 1770, № 10 от 2 февраля, № 16 от 23 февраля, № 23 от 19 марта.

²³ Рескрипты и письма императрицы Екатерины II на имя графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1867, т. 1, с. 2.

Н.А. Саламова
(Дагестанский госуниверситет, г. Махачкала)

КАВКАЗ И КРЫМ В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ ОТ РЕШТСКОГО ДОГОВОРА ДО ГЯНДЖИНСКОГО ТРАКТАТА (1732–1735)

Кратковременный период от Рештского договора до Гянджинского трактата занял важное место в русско-турецких отношениях. Рештский договор 1732 г. обозначил принципиально новый подход наследников Петра I по отношению к приобретенным им территориям на Кавказе: готовность возвратить их Ирану вопреки стратегическим интересам России. Такой поворот в кавказской политике России был обусловлен тем, что внутреннее и международное положение России при императрице Анне Иоанновне (1730–1740), когда все вопросы решались «немецкой партией» во главе с Э.-Г. Бироном, пренебрегавшей насущными нуждами страны, значительно ухудшилось. Глубокий знаток придворных нравов этой коррумпированной элиты В.Я. Лефорт так выразил ее подлинное лицо: «Нет сил определить состояние этого двора <...> О делах позабыли, все стоит и погибает <...> казна пуста, денег не поступает <...> Никому не платят. Одним словом, не нахожу красок, чтобы описать этот хаос»¹.

С мнением Лефорта совпадают и оценки других авторов. Воцарившаяся на троне в 1730 г. «императрица Анна Ивановна, – пишет Потто, – тяготилась персидскою войною. Насколько поверхностно смотрели тогда правительственные сферы на эту войну, можно судить уже по одному тому, что сначала больше всего опасались турецких успехов, а потом стали бояться их неудач, рассчитывая, что Персия, управившись с турками, обратит против России все свои силы»².

Такая позиция российского двора, когда подписание Рештского договора изменило соотношение сил на Востоке в пользу Ирана, фактически оказавшегося под властью Надир-шаха, не могла не вызвать острой реакции со стороны Стамбула, вновь обострив русско-турецкие отношения.

Недовольный подписанием этого договора, способствовавшего сближению Ирана с Россией, султан Махмуд стал обострять обстановку на Кавказе, подготавливая пограничные конфликты с помощью крымского хана Каплан-Гирея с запада и находившегося

в его подданстве в качестве правителя Дагестана и Ширвана Сурхай-хана с юга. По прямому подстрекательству Порты Каплан-Гирей выступил с претензиями на Кабарду и Черкесию. Охотно поддерживая эти притязания, османские министры убеждали Неплюева, что «в реестрах при Порте» Кабарда и Черкесия значатся независимыми от крымских ханов. Сам Каплан-Гирей выступил с угрозами «не только Кабарду разорить», но и «Россию плетью заметить»³.

Одновременно Порта готовила Сурхай-хана для нападения на Дербент, Низабад и Кубу, надеясь насильно привести их в свое подданство. Но выполнить эту задачу Сурхай-хану, вызвавшему недовольство своих подданных протурецкой ориентацией, не удалось. В качестве ответных мер в июне 1732 г. российское правительство привело в боевую готовность свои войска на Дону и на Тереке, открыто взяло под свою защиту Кабарду. Порта вынуждена была отступить, обещая отправить хану указы воздержаться от похода в Кабарду⁴.

Однако это обещание Порты не означало отказа от своих намерений в отношении Кавказа. На позицию Порты повлияло и то, что, не признав Керманшахский договор 1729 г., Надир стал готовиться к войне с Турцией за возвращение захваченных османами бывших иранских владений при Сефевиде на Кавказе, в Закавказье и Иране.

Узнав о намерениях Надир-шаха возобновить войну, султан отправил указ крымскому хану быть готовым к предстоящей военной кампании. Обращение султана Махмуда в Крым было встречено с большим удовлетворением. Хан Каплан-Гирей, искавший случая напасть на Кабарду и Дагестан, с готовностью ответил, что «нашел дорогу к посылке татар в Персию через Кавказские горы, близ Дагестана»⁵, не касаясь владений России. Это было явным блефом, рассчитанным на внезапность нападения, неподготовленность русских войск к отпору и поддержку ханского похода со стороны северокавказских владетелей.

Заключив перемирие с Надиром, Порта форсировала поход крымских войск в Персию через Кабарду, Чечню и Дагестан. Северный Кавказ выдвинулся на передний план во внешнеполитических замыслах России и Турции, став предметом острого спора между Петербургом и Стамбулом. Однако дипломатические демарши российского правительства оказались недостаточными. Несмотря на двукратное предупреждение русского резидента по поручению из Петербурга о том, что намеченное Стамбулом и Бахчисараем предприятие вызовет военный конфликт с Россией, Порта и Крым не отказались от своих планов.

Активное содействие в этом оказала им французская дипломатия. Находившийся на французской военной службе венгерский офицер барон Тотт, направленный в Крым со специальным заданием из Версаля, инспектировал подготовку крымской конницы для предстоящей операции. Французский посол Луи де Вильнев энергично настраивал против России великого визиря Али-пашу Хакима-оглу, активно обсуждая с ним вопрос о походе крымцев через Северный Кавказ. По признанию руководителя внешней политики Франции кардинала Флери, французское правительство настраивало Порту против России, используя ее в своих интересах как шахматную фигуру⁶.

Получив широкую поддержку, Каплан-Гирей развернул активную деятельность, чтобы выполнить султанский указ: «выступить против персов и привлечь к себе племена Северного Кавказа от устья Кубани до русской границы и идти к Дербенту»⁷. Вместе с тем, предвидя нелегкую борьбу с Россией, султан Махмуд обратился через своего представителя Хаджи Мухаммеда-эфенди со специальным воззванием к местным властям, чтобы они оказали содействие в прохождении крымцев через их владения «от устья Кубани до русских границ в Дербенте»⁸.

Эти обращения крымского хана Каплан-Гирея и калги Фетхи-Гирея к местным властям были доставлены им их курьерами, но не встретили той поддержки, на которую рассчитывали в Стамбуле и в Крыму. Воззвания хана и калги чеченскому князю Патуду, эндириевскому князю Айдемиру, уцмью Ахмед-хану и сыну Адиль-Гирея Хасбулату были вручены ими генералу Левашову, который отправил их оригиналы в Петербург, а копии и переводы с них – резиденту Неплю-

еву в Стамбул. Получив эти обличительные документы, российское правительство написало резиденту заявить решительный протест Порте, но особого воздействия на нее это не оказало⁹.

Русско-турецкие отношения резко обострились и оказались на грани военного конфликта. Пока шли дипломатические распри между Петербургом и Стамбулом, на Кавказе начались военные действия. В середине мая 1733 г. в Стамбуле признали, что 25-тысячный крымский корпус под командованием калги Фетхи-Гирея в сопровождении личного представителя султана Махмуда капиджи-баши Мустафы-аги форсировал Кубань и двинулся на Терек.

Получив об этом достоверные сведения, принц Людвиг (Евгений. – Н.С.) Гессен-Гамбургский, заменивший в мае 1733 г. на посту главнокомандующего генерала В.Я. Левашова, отправленного в Решт для переговоров с Надиром, письменно предупредил Фетхи-Гирея, что дальнейшее продвижение его войска будет отвращено военной силой. Но калга не посчитался с этим и в конце мая достиг Тартупа, где ему присягнули кабардинские князья «кашкатавской партии», придерживавшиеся тогда крымской ориентации. Получив их поддержку, Фетхи-Гирей напал на сторонников России князей «баксанской партии», «произведя в их жилищах великое опустошение»¹⁰.

После этой устрашающей акции, достигнув территории Чечни, в начале июня представители крымцев обратились к российскому командованию с требованием пропустить их войска, но, не получив на это согласия, решили пробиться силой. 11 июня 1733 г. 25 000 крымцев напали на русский отряд на р. Белой, но были отброшены на 10 верст назад, потеряв 1000 человек и 10 знамен. Крымцы остановились в Чечне, призывая жителей Дагестана и Чечни «к бунту, чтобы они с Фетхи-Гиреем султаном против россиян и российских войск неприятельски действовали»¹¹. Хотя от имени турецкого султана и крымского хана наиболее влиятельным светским и духовным феодалам раздавались пышные титулы, денежные награды и щедрые подарки, привлечь горцев на сторону Турции и Крыма не удалось.

Получив сведения об этих событиях, великий визирь возобновил требования о пропуске татар, угрожая иначе войной. Обострением русско-турецких отношений воспользо-

валась французская дипломатия, настраивая Турцию против России. «Порта по внушениям французским, – доносил Неплюев, – пренебрегает Россией и потому поступает горячо, доводит каждое дело до крайности, угрожая войной»¹².

Положение осложнилось тем, что в этот ответственный момент ставленник «немецкой партии» принц Людвиг проявил полную бездарность, проводя время на балах и в увеселениях, объявляя ложные тревоги, запершись в крепости Святой Крест. Противдвигающихся из Чечни крымцев была выслана с запозданием небольшая команда под начальством полковника Лошана, не сумевшая дать им надлежащий отпор. Воспользовавшись этим, с помощью чеченского князя Айдемира и кайтагского уцмья Ахмед-хана крымцы прошли через их владения и приблизились к Дербенту¹³.

На подступах к Дербенту русские войска атаковали противника, нанесли ему существенный урон, но часть крымцев миновала заслон и с помощью Сурхай-хана в количестве до 3000 человек добралась до места расположения турецких войск на берегу Куры¹⁴.

Российское правительство приняло ряд мер для восстановления спокойствия на Кавказе в связи с нашествием Фетхи-Гирея. Против изменившего уцмья был послан специальный отряд, который занял резиденцию уцмья Башлы и сжег ее. Принц Людвиг Гессен-Гамбургский был отозван в Петербург. Главное командование российскими войсками вновь принял сподвижник Петра I В.Я. Левашов. Прибыв на Сулак в начале ноября 1733 г., он предпринял суровые санкции против протурецки настроенных феодалов, восстановил относительное спокойствие в крае. Неслучайно наблюдавший за его действиями И.Я. Лерх записал в своем дневнике: «С тех пор настала-таки в Сулаке тишина и все пришло в порядок»¹⁵.

В этом же плане следует рассматривать «исчезновение» 25-тысячного корпуса Фетхи-Гирея, разгромленного русскими войсками в Чечне и Дагестане вопреки бездействию влиятельных немецких чинов в придворных кругах Петербурга. Ввиду указанных причин Фетхи-Гирей не смог выполнить возложенной на него Портой задачи – пробиться через Дагестан на помощь турецким войскам в Закавказье и Иране¹⁶. Не помогли этому ни старания французского и немецкого послов в Стамбуле Вильнева и Кипуля, нажимавших

на Порту в русле антироссийской политики «восточного барьера», ни активное настраивание Надира против России специально направленным для этой цели из Крыма французским консулом Главани¹⁷.

Положение на Кавказе и русско-турецкие отношения определялись не только событиями в самом регионе, но и далеко за его пределами – Иране, Ираке и Закавказье. Так было, например, осенью 1733 г., когда Надир нанес сокрушительное поражение 40-тысячной армии Топал Осман-паши под Багдадом в долине Лейлан, где погиб сам главнокомандующий¹⁸. Окруженный войсками Надира губернатор Багдада Айюб Ахмед-паша без ведома султана Махмуда I подписал мир с Надиром на условиях возвращения к границам Касре-Ширинского ирано-турецкого договора 1639 г., выполнение которого обязывало Порту возвратить захваченные османами с тех пор иранские владения на Кавказе¹⁹.

В Стамбуле этот договор не признали, но вынуждены были умерить свой натиск на Кабарду и Дагестан. 26 ноября 1733 г. крымскому хану отправили указ, «чтобы он никаких предвосприятий к российской стороне <...> не чинил, но паче в покое жил»²⁰. Несмотря на это, обеспокоенное стремлением Англии и Франции добиться заключения антироссийского ирано-турецкого договора, русское правительство ускорило переговоры с Надиром, поручив В.Я. Левашову и П.П. Шафирову установить с ним близкие отношения для совместных действий против Турции.

Для ускорения переговоров и заключения договора с Надиром в Иран был направлен в качестве полномочного министра князь В.Д. Голицын, чтобы склонить его к союзу с Россией, настойчиво внушая ему мысль, что «ныне действием против турок наилучшее и способное время, которого ему упустить и неприятелю своему против себя меч обострить давать весьма не надлежит»²¹. В то же время русское правительство, опасаясь возникновения ирано-турецкого альянса против России, делало Надиру далеко идущие, но непродуманные тщательно и реально не просчитанные уступки: вернуть прикаспийские провинции и оказать военную помощь против Турции. В этом Голицын убедился на аудиенции 20 мая, когда на вышепредложенные условия Надир заявил ему, что отказывается от помощи России и намерен заклю-

чить договор с Турцией, если российское правительство немедленно не возвратит Ирану прикаспийские области и Дербент сверх Рештского договора²².

Неуступчивость Надир относительно турецких предложений обуславливалась тем, что после крупного поражения турецкой армии под Ереваном в мае 1734 г. султан Махмуд ратифицировал ирано-турецкий договор 1733 г., подписанный Ахмед-пашой под Багдадом, и велел своим командующим и наместникам вернуть Ирану подвластные им бывшие иранские владения, в том числе и на Кавказе.

Разумеется, это решение турецкого султана подвигло Надир на более решительные требования к России о возвращении оккупированных ее войсками территорий по Петербургскому и Константинопольскому договорам 1723 и 1734 гг. Возможно, просчитав такой вариант развития событий, еще до ратификации султаном Багдадского договора 1733 г., Надир разослал уполномоченных в Ереван, Тбилиси и Гянджу для принятия их от турок, назначив в эти места своих беглер-беков.

С этой целью для принятия Ширвана от Сурхая он назначил астраханского правителя Муса-хана и отправил к Сурхаю специального курьера с требованием сдать Шемаху, ссылаясь на то, что султан Махмуд разослал своим командующим «хатт-и шерифы» с предложением «немедленно очистить провинции, находящиеся под их управлением»²³.

Но Сурхай не подчинился этому требованию, оставил без боя Шемаху, которую захватчики сравнивали с землей, и после упорных боев в течение сентября 1734 г. отступил в Аварию²⁴. Разгневанный непокорностью горцев и начавшимися массовыми антииранскими восстаниями в тылу, восстановив титул дагестанского шамхала и передав эту власть сыну сосланного российскими властями в Архангельскую губернию шамхала Адиль-Гирея – Хасбулату, Надир двинулся в обратный путь, понес значительные потери и 15 октября подошел к Гяндже, где находился осажденный турецкий гарнизон²⁵.

К этому времени русско-иранские переговоры о возвращении Ирану прикаспийских областей и Дагестана шли к концу. Как отмечает иранский историк Рамазани, политика Надир по отношению к России осуществлялась сравнительно легко, что было ре-

зультатом использования русско-турецких противоречий. Натянутость отношений между Турцией и Россией была связана с иранской проблемой. «Во все периоды ирано-турецкой войны, – подчеркивает автор, – Порта подозревала Россию в секретной помощи Надир-шаху. Почва для подозрений была: Россия, по крайней мере, помогла Надир-шаху в укреплении его военной силы»²⁶.

В создавшихся условиях, оказавшись перед перспективой враждебной деятельности отдельных европейских держав на западе и угрозой антироссийского ирано-турецкого сближения на востоке, российское правительство решило вывести свои войска из этих областей, чтобы избежать войны на два фронта и превратить Иран из потенциального противника в своего союзника. По этим соображениям 10 марта 1735 гг. Левашов и Голицын по указанию из Петербурга подписали с Надиром Гянджинский договор о возвращении Ирану прикаспийских областей и части Дагестана с отводом русских войск за р. Сулак, но чтобы эти области не были захвачены Турцией²⁷.

Гянджинский договор 1735 г. стал знаковым событием в изменении ситуации на Кавказе и развитии русско-турецких отношений от Причерноморья до Каспия и Северного Кавказа до Передней Азии, в чем немалую роль сыграли кавказские, крымские и иранские дела, отразившиеся на деятельности противоборствовавших сторон.

Примечания

¹ *Валкишевский К.* Преемники Петра I. Пер. с франц. М., 1990. С. 115.

² *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1885. Вып. 1. Т. 1. С. 44.

³ *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958. С. 72-73.

⁴ Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и метариалы. Составитель В.М. Букалова. М., 1958. Т. 2. С. 69-70.

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 89, оп. 89/1, д. 5, л. 158.

⁶ *Cassels L.* The Struggle for the Ottoman Empire. 1717-1740. London, 1966. P. 37.

⁷ *Hammer von Josef.* Geschichte des Osmanischen Reichs. Pest, 1831. Bd. 7. S. 442.

⁸ *Hekmat M.A.* Essaj sur l'histoire des relations politique Irano-Ottomanes de a 1747. Paris, 1937. P. 200.

⁹ АВПРИ. Ф. 89, оп. 89/1, д. 6, л. 316-318.

¹⁰ *Бутурлин Д.П.* Военная история походов рос-

сиян в XVIII столетии. В 2-х частях. Ч. 1. Т. 2. СПб., 1819-1823. С. 119.

¹¹ Там же. Ч. 2. Т. 4. С. 164.

¹² АВПРИ. Ф. 77, оп. 77/1, д. 7, л. 1, 13 об.

¹³ *Алкадари М.Э.* Асари Дагестан. Махачкала, 1994. С. 75.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 89, д. 7, л. 13 об-14.

¹⁵ *Лерх И.Я.* Выписка из путешествия Иоганна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790. Ч. 43. С. 13.

¹⁶ *Unat T.* 1700-gen 1958 kadar. Turk siyasi tarihi. Ankara, 1958. S. 35.

¹⁷ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 10. Т. 20. С. 385-386.

¹⁸ *Hammer von Josef.* Op. cit. P. 429.

¹⁹ *Hekmat M.A.* Op. cit. P. 19-22.

²⁰ АВПРИ. Ф. 89, оп. 77/1, д. 7, л. 595 об.

²¹ Там же. Ф. 77, оп. 77/1, д. 5, л. 4-4 об.

²² *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 396-397.

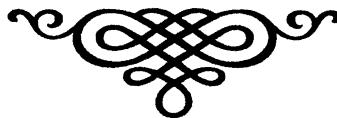
²³ *Бакиханов А.-К.А.* Гюлистан и Иран. Баку, 1991. С. 137-138.

²⁴ *Левиатов В.Н.* Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С. 102.

²⁵ АВПРИ. Ф. 77, оп. 77/1, д. 4, ч. 2, л. 416; *Lockart L.* Nadir Shah. A critical study based mainly upon contemporary sources. London, 1938. P. 94.

²⁶ *Ramasani R.K.* The Foreign Policy of Iran. A developing Nation in World Affairs. 1500-1941. Charlottesville, 1966. P. 24.

²⁷ Договоры России с Востоком. Политические и торговые. Составитель Т.Д. Юзефович. СПб., 1869. С. 200-207.

Д.Б. Патлай
(Отделение цивилизационных проблем РАЕН)

ЦУСИМСКИЙ ИНЦИДЕНТ 1861 г.

Политические причины и последствия

Отношения России и Японии на протяжении XVII–XIX вв. были омрачены постоянными вооруженными столкновениями сторон на Курильских островах и острове Сахалин, провоцируемыми как русскими, так и японскими переселенцами вследствие отсутствия четко установленной на вышеуказанных территориях государственной границы между Российской империей и Японией. После подписания в 1855 г. Симодского трактата и юридического оформления границы между двумя государствами Россия не отказалась от своих намерений территориального продвижения в дальневосточном регионе, поскольку на о. Сахалин, имеющем важное геополитическое и экономическое значение для обоих государств, русско-японская граница так и не была установлена. Однако в начале 1860-х годов Петербург попытался осуществить экспансионистские планы относительно Страны Восходящего Солнца, масштабы которых значительно выходили за пределы Курил и Сахалина, что привело к Цусимскому инциденту 1861 г.

Рассмотрим причины и последствия столь неординарной акции России на международной арене, принимая во внимание итоги Восточной войны 1853–1856 гг. и неустойчивые позиции русской дипломатии в дальневосточном регионе.

В конце 1857 г. политическая обстановка на Дальнем Востоке становилась все более напряженной. В связи с тем, что в 1855–1856 гг. Британия утвердила свое экономическое и политическое влияние в Сиаме, заключив с этим государством торгово-дипломатический договор, учитывая намерения Франции о проведении колонизации Вьетнама и принимая во внимание отсутствие решения «Сахалинской проблемы» в русско-японских отношениях, Российская империя значительно увеличила дипломатическую активность в дальневосточном регионе¹. Петербург решил оборудовать на архипелаге Рюкю, издавна находившиеся под политическим и экономическим влиянием Японии, порты для постоянного пребывания и захода русских

кораблей, чтобы впоследствии иметь возможность соперничать с Британией и Францией не только в дальневосточном регионе, но и в регионе Юго-Восточной Азии. Следует также отметить, что, по признанию русского военно-морского ведомства, в рассматриваемый период у России «на дальневосточном побережье не было в полной мере удобных портов для расположения военного флота»².

Как отмечала газета «Московские ведомости» 15 января 1859 г., «трактаты, заключенные Россией с Японией, заставляют сказать несколько слов об архипелаге Рюкю, поскольку по своему положению между Формозой и Японией острова этого архипелага представляют значительные выгоды судоходному движению нашему в водах Восточной Азии. Здешняя стоянка будет полезна судам, не только идущим в Китай или в Корею, но и в Индию и другие отдаленные государства Востока»³.

В 1860 г. в целях обеспечения политических интересов России в дальневосточном регионе и Юго-Восточной Азии на Тихом океане появилась эскадра под командованием И. Лихачева⁴.

Как следует из донесения на имя русского императора Александра вышеупомянутого офицера русского ВМФ, главной задачей появления эскадры под его командованием в бассейне Тихого океана было оказание военно-политического давления на Японию посредством захвата о. Цусима и «создание военно-морской базы на острове, чтобы обеспечить русским судам прямой путь в Китай и южные гавани Японии и другие тихоокеанские страны через Корейский пролив»⁵. При этом о. Цусима должен был быть «в нераздельном владении русского государя-императора и стать закрытым для всех европейцев»⁶. Действия отряда кораблей Лихачева по захвату о. Цусимы должны были также стать «репетицией русской политики» по отношению к архипелагу Рюкю. Кроме того, Россия намеревалась создать в Нагасаки постоянную базу для своего ВМФ. Имея в виду упомянутый японский порт, командир

русской Тихоокеанской эскадры докладывал в Петербург: «Этот уголок может принести нам неисчислимые выгоды. В будущем важность этого пункта для нас, конечно, обуславливается составом и назначением наших эскадр в здешних морях и другими обстоятельствами...»⁷. Предполагалось «для упрочения нашего положения на Цусиме создать редут на вершине острова для прикрытия высадки нашего десанта, силы которого должны быть доставлены сюда из наших дальневосточных владений»⁸.

Политическое руководство Российской империи с легкостью решило предпринять акцию по захвату японского острова, поскольку считало, что в связи с ведением очередной «опиумной войны» в Китае «англичане и французы едва решатся возражать что-либо против действия русской эскадры и, вернее всего, за Цусиму расплатятся китайцы»⁹.

Не ожидали в Петербурге и активного сопротивления собственным планам в отношении Цусимы как со стороны властей сегуната, так и жителей острова. Однако 3 февраля 1861 г., после начала высадки на о. Цусима русских моряков с корвета «Посадник» под командованием капитан-лейтенанта Бирилева, входившего в состав русской Тихоокеанской эскадры, местные японские крестьяне попытались воспрепятствовать этому. В результате между русскими и японцами произошло столкновение, в ходе которого моряками с корвета «Посадник» был убит крестьянин Ясугоро и еще двое японцев захвачены в плен. Прибывший 27 марта 1861 г. на о. Цусима Лихачев записал в своем дневнике: «Дела у Бирилева продвигаются очень туго. За месяц он не добился почти ничего»¹⁰.

Петербург не решился на высадку крупного десанта на остров, «ограничившись» направлением в бухту Цусимы еще трех кораблей из состава русской Тихоокеанской эскадры и рейдом с разведывательными целями «Посадника» в порт Нагасаки, в ходе которого состоялась артиллерийская дуэль между русским корветом и японскими береговыми батареями, результатом которой стали тяжелые повреждения, полученные русским кораблем.

В связи с описанными событиями антирусские волнения охватили большинство японского населения острова. Глава княжества Цусима Мунэ Есиери вынужден был по-

ставить в известность о случившемся правительство сегуната.

В мае 1861 г. на Цусиму прибыл представитель бакуфу Огури Тодамаса, который в вежливой форме потребовал от Бирилева покинуть остров. В ответ на просьбу японского чиновника русский офицер заявил, что без приказа начальства он с Цусимы ни за что не уйдет. Тем временем Россия закончила комплектование воинского контингента для отправки в Юго-Восточную Азию. В русской прессе появилась информация, согласно которой «вся Аннамская империя будет под нашей властью. Под нашим управлением эта империя приобретет нам значительное влияние на дела Азии, поскольку составляет восточную часть Индокитая, лежит между Индостаном, Китаем, Бенгальским заливом и Восточным океаном <...> Наши войска готовы к действию в непривычных условиях тропической жары»¹¹.

Возвратившись в Эдо, Огури поручил губернатору Хакоддате Мурагаки Авадзи провести переговоры с русским консулом И. Гошкевичем, курировавшим по распоряжению Петербурга действия Лихачева и Бирилева, на предмет ликвидации присутствия русских моряков на острове Цусима. Мурагаки встречался с Гошкевичем трижды, однако представитель России отказался ликвидировать стоянку русского флота на острове, заявив японскому губернатору, что русские власти желают заключить с правительством сегуната договор, который давал бы возможность России контролировать о. Цусима и воспрепятствовать тем самым замыслам Англии занять остров. Японцы посчитали подобное предложение русского консула неприемлемым¹².

Между тем Британия вовсе не собиралась размещать свою военно-морскую базу на Цусиме, в противном случае она, учитывая ее доминирующее экономическое и политическое влияние в Японии, давно бы осуществила подобное намерение. По признанию командира русской Тихоокеанской эскадры, «вероятность захвата острова Англией остается весьма призрачной»¹³.

Однако в Лондоне с готовностью откликнулись на просьбу правительства сегуната о помощи японским властям в выдворении русских моряков с территории острова, в связи с чем к Цусиме были направлены три боевых корабля британского военно-морского флота под общим командованием вице-адмирала Хоупа.

По прибытии в район острова английский адмирал направил на имя командира русской Тихоокеанской эскадры письмо, в котором выражалось требование ликвидировать военноморское присутствие на Цусиме, в противном случае Хоуп предупреждал Лихачева о возможных англо-русских военно-политических осложнениях.

Во избежание военного конфликта с Британией, после принятия соответствующего решения в Петербурге, 7 сентября 1861 г. «русские моряки со стыдом вынуждены были оставить остров»¹⁴.

Власти сегуната в лице министров Котзе и Ямамоками 21 сентября того же года направили в адрес русского министра иностранных дел ноту протеста по поводу «насилованных поступков на о. Цусима и в Нагасаки командира корвета «Посадник» Бирилева». В указанном документе говорилось о «недопустимости подобных действий, поскольку они не согласуются с режимом открытых портов и могут вызвать осложнения с западными державами не только Японии, но и России»¹⁵. Кроме того, возненавидевшие нас после цусимских событий японцы, сообщал «Русский вестник», «вновь поднимают перед Гошкевичем вопрос о размежевании на Сахалине и предлагают сделать это немедленно»¹⁶.

В российском МИД посчитали, что после ухода русских кораблей инцидент на о. Цусима исчерпан, вследствие чего японское послание осталось без ответа.

Провал планов захвата о. Цусима вызвал в российских МИД и военноморском ведомстве «крайнее озлобление», спокойным оставался только государь-император, отмечал в своем дневнике Лихачев.

Командир русской Тихоокеанской эскадры был удостоен аудиенции императором Александром, об обстоятельствах которой морской офицер писал следующее: «Государем я был принят хорошо. Он приказал сказать мне откровенно: думаю ли я, что Цусима столь важна, что из-за этого вопроса стоит рисковать дойти до разрыва и до войны с Англией. Я ответил отрицательно»¹⁷.

В дальнейшем по поводу Цусимского инцидента был создан Особый комитет, возглавляемый лично императором. Лихачев вспоминал: «В этом комитете Горчаков говорил очень горячо против занятия Цусимы. Великий князь защищал уже сделанное. Все остальные молчали. Государь поставил тот

же вопрос, который он ставил передо мной. Решение могло быть только одним. Россия навсегда отказалась от Цусимы»¹⁸. Оказались неосуществленными и другие политические планы русского МИД относительно тихоокеанского региона и Юго-Восточной Азии, претворение в жизнь которых русские политики связывали с захватом японского острова.

На заседаниях Особого комитета было принято решение о запрете каких-либо публикаций в русской периодической печати относительно событий, связанных с цусимским инцидентом 1861 г, ответственность за который была целиком и полностью возложена русским политическим руководством на командира русской Тихоокеанской эскадры. Оскорбленный подобным решением, капитан I ранга Лихачев по данному вопросу придерживался иного мнения. Он считал, что ответственность за цусимский инцидент следует возложить на МИД России, поскольку русским дипломатам не удалось «в этом деле найти поддержку какой-либо европейской державы и обеспечить нейтралитет со стороны Англии»¹⁹.

Осуществить подобное, учитывая политическую ситуацию, сложившуюся в то время на Дальнем Востоке и Юго-Восточной Азии, не представлялось возможным. Авантюрный внешнеполитический курс, проводимый Российской империей в указанных регионах, стал основной причиной цусимского инцидента 1861 г. Последствия событий на о. Цусима привели к ослаблению русского военнополитического влияния как в Индокитае, так и в дальневосточном регионе.

Примечания

¹ Крупномасштабное вторжение франко-испанского контингента в Индокитай началось 30 августа 1858 г. По прошествии короткого времени Испания в силу различных обстоятельств вывела свои войска из Вьетнама.

² Очерк русских портов в Татарском проливе и Японском море // Морской сборник. 1861. № 1. С. 159.

³ «Московские ведомости». 1859. № 13. С. 89.

⁴ Донесение начальника нашей эскадры в Китайских водах капитана I ранга Лихачева // Морской сборник. 1861. № 3. С. 240.

⁵ Рапорт капитана I ранга Лихачева на имя императора Александра от 22. 04. 1861 г. // Русский вестник. 1897. № 5. С. 87.

⁶ Рапорт капитана I ранга Лихачева на имя императора Александра от 21.05.1860 г. // Русский вестник. 1897. № 4. С. 249.

⁷ Донесение начальника нашей эскадры в Китайских водах капитана I ранга Лихачева // Морской сборник. 1861. № 3. С. 242.

⁸ Приложение к рапорту И. Лихачева на имя государя-императора от 22.04.1861 г. // Русский вестник. 1897. № 5. С. 92.

⁹ Записка великого князя от 26 июля 1860 г. на имя капитана I ранга Лихачева // Русский вестник. 1897. № 4. С. 243.

¹⁰ Русский вестник. 1897. № 5. С. 98.

¹¹ «Северная пчела». 1861. № 148. С. 605.

¹² Русский вестник. 1897. № 5. С. 98.

¹³ Рапорт капитана I ранга Лихачева на имя императора Александра от 21.05.1860 г. // Русский вестник. 1897. № 4. С. 243.

¹⁴ Цит. по: *Попов И.М.* Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. С. 498.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 4, разряд 4., оп. 1, д. 12 (свиток).

¹⁶ Русский вестник. 1897. № 5. С. 95.

¹⁷ Там же. С. 89.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

А.Н. Хохлов (ИБ РАН)

РОССИЙСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ШКОЛЫ В ПАЛЕСТИНЕ И СИРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

В истории культурных связей России со странами Ближнего Востока важную роль играли православные школы, созданные в этих странах в 80-е – 90-е годы XIX в. Императорским Православным Палестинским Обществом (ИППО). Руководимые преподавателями-россиянами, эти школы, при поддержке дипломатических представителей Российской империи, знакомили местное население, состоявшее преимущественно из арабов, как с истинными ценностями православия, так и с достижениями русской национальной культуры, усвоение основ которой облегчалось не только преподаванием русского языка в православных школах, но и распространением его среди широких слоев коренного туземного населения.

О благородной просветительной деятельности упомянутых школ в Палестине и Сирии в 80-х – 90-х годах XIX в. сообщают не только ежегодные публичные отчеты ИППО за указанные годы, но и архивные материалы различных российских ведомств о поездках в Святую Землю многих известных деятелей тогдашней России, в том числе лиц, профессионально связанных с ее флотом и армией. Достаточно интересно рассказывается о православных школах в Палестине и Сирии в донесении контр-адмирала Н.И. Скрыдлова¹, посетившего Святую Землю в 1899 г. с командой броненосца «Александр II» (в составе 30 офицеров и 600 матросов). В его донесении от 7 июля 1899 г., посланном из бухты Фалеро (на Средиземном море) великому князю Алексею Александровичу, в частности, говорилось:

«В Иерусалиме, несмотря на необыкновенно большой в этом году прилив паломников, офицеры и команда броненосца нашли приготовленные для них помещения в зданиях “Русских построек”, любезно предоставленные в их распоряжение Имп. Православным Палестинским Обществом и нашей духовной миссией. Палестинское же Общество безвозмездно продовольствовало чинов броненосца во все время их пребывания в Иерусалиме. Я лично пользовался широким гостеприимством нашего Генерального консула д. ст. сов. Яковлева.

В течение Страстной недели команда посещала все патриаршие службы у Гроба Господня, где распоряжением турецких властей ей отводились особые места. У Гроба Господня я и чины броненосца встретили Светлое Христово Воскресенье. Благодаря заботам нашего консула, Палестинского Общества и местных властей пребывание команды в святых местах было обставлено всеми удобствами, а сам Патриарх постоянно оказывал мне различные знаки внимания, распространяя его на офицеров и нижних чинов, [причем] каждого из них благословил иконой, крестиком и пасхальным яйцом.

Присутствие в городе массы русских паломников, команды русского корабля, офицеров и адмирала, совпавшее с пребыванием здесь крайне популярного на [Ближнем] Востоке бывшего нашего посла в Царьграде действ. тайного советника А.И. Нелидова, дало настоящему светлому празднику в Иерусалиме характер большого русского торжества, вызвавшего сильный подъем духа среди наших паломников и местного русского общества.

На Страстной неделе вместе с послом и тайным советником [Н.М.] Аничковым, командированным от Палестинского Общества для инспектирования местных его школ, осматривал школу для девочек в Бетджале [Бейт-Джале], где, как и во всех русских учреждениях, замечался тот же сильный подъем духа, обусловленный нашим приходом [с броненосцем]. По моему предложению воспитанницы школы ездили в Яффу для осмотра броненосца, где для них был устроен послебеденный чай с музыкой.

Будучи очевидцем положения наших паломников в дни Страстной недели и Светлого праздника, не могу умолчать, что дальнейшее скопление такого огромного числа их на ограниченном пространстве “Русских построек” не может быть допущено без риска гибельных для них последствий, например, при занесении какой-нибудь эпидемии <...> Помещения Общества, его больницы, службы, водоснабжение и личный состав рассчитаны на наибольший одновременный прием в

1,5–2 тыс. богомольцев, а между тем при моем посещении число их доходило до 7 с лишком тыс. чел., т. е. почти в пять раз превышало нормальное число. Вследствие такого переполнения прекрасные помещения Общества сделались совершенно не гигиеничны, все службы – недостаточными, а на личный состав легла непосильная работа, с которою он не успевал справляться, несмотря на все усердие. Одна из самых трудоемких обязанностей в это время выпала на долю врача Общества, который совершенно выбивался из сил и едва успевал своевременно осмотреть всех прибывающих к нему больных. Вместе с тем больница, рассчитанная на 50 кроватей, также не может вместить всех нуждающихся в больничном лечении. Если принять во внимание общую малую развитость и преимущественно преклонный возраст паломников, их изнуренный вид, вызванный [утомительным] путешествием к святым местам, а затем скудную пищу, ограничивающуюся иногда хлебом и водою, а также усталость, вызываемую посещением местных святынь почти пешком, и если к этому присоединить неподходящие для большинства богомольцев условия жизни и климат, то станет понятным, какой опасности подвергаются здоровье и жизнь мало просвещенной массы простого русского люда, из которой многие [паломники] прибывают сюда с прямою целью умереть и быть погребенным в Святой Земле.

В воде, столь важной здесь в санитарном отношении, [чувствуется] большой недостаток, и у водопроводного крана часами стоят целыми веренищами паломники, ожидая очереди наполнить свои сосуды.

Ежегодно возрастающее число русских паломников в Иерусалиме в страстные дни вызывает беспокойство и со стороны местных турецких властей, опасаящихся того, что храм Гроба Господня, уже и теперь переполненный в эти дни, не в состоянии вместить всех молящихся, а для поддержания порядка среди них уже теперь нужно посылать наряд в храм в числе более 700 солдат. [Поэтому] урегулировать, насколько возможно, приток богомольцев сообразно с вместимостью храма Гроба Господня и величиною имеемых в распоряжении Палестинского Общества помещений является делом неотложной необходимости, т. к. при возрастающем с необыкновенной быстротой числе паломников Общество в самом непродолжительном

времени окажется совершенно не в состоянии принять их.

Несмотря на блестящие и плодотворные труды Палестинского Общества, положение наших паломников в Святой Земле, помимо всего вышеизложенного, оставляет желать лучшего, и если Общество решит продолжать свои заботы о них и вникнет во все их многочисленные нужды, то положение это может быть совершенно изменено.

Наши богомольцы, как и вообще все малоопытные путешественники, прибыв в незнакомую страну с неизвестным [для них] языком, очень теряются, делаются беспомощными и тотчас подпадают под опеку разных малосведущих проводников, которые эксплуатируют их самым безжалостным образом. В то же время различные компании <...> по заранее определенной цене берут на себя труд по опеке над туристами. Это оказывается настолько к обоюдной выгоде, что число таких обществ и провожаемых ими туристов с необыкновенной быстротой постоянно возрастает, и это служит верным доказательством большой в них потребности. Компании эти имеют банковские и почтовые конторы, отели и экипажи; издают путеводители, расписания рейсов поездов, пароходов и прочих средств сообщения; рекомендуют магазины и т. д. Роль таких компаний по отношению к нашим паломникам следует взять на себя Палестинскому Обществу <...> чтобы с палубы парохода в Яффе паломник поступал бы в руки добросовестного проводника Общества и [последний передавал его] на пароход по окончании посещения [паломником] святых мест, причем цены на все расходы до самых мелких должны быть установлены до отправления паломника из России. Смеем думать, что тех денег, которые переплачивают паломники разным проводникам, будет достаточно для ведения этого дела, обещающего изменить к лучшему характер их пребывания в Святой Земле.

Чтобы завершить дело [оказания] покровительства нашим паломникам, следует продолжить заботы о нем до окончательного удовлетворения всех его нужд. Беглый взгляд на неустроенные ряды лавок, лачуг и ларьков, начинающихся от самых дверей “Русских построек” и, кстати сказать, очень их обезображивающих, дает [достаточное] понятие об этих несложных нуждах. Большинство лавок торгует так наз. священными

предметами, т. е. свечами, иконами, четками, крестиками, ладаном, резными вещицами из оливкового дерева с видами Святой Земли и прочими подобными предметами, массами вывозимыми богомольцами на родину для сохранения в памяти своего посещения Святой Земли и для раздачи [их] своим близким.

Второе место [среди торговых заведений] занимают меняльные лавки и, наконец, идут ларьки с овощами, хлебом и другими пищевыми продуктами, которыми ради поста и [личных] сбережений питаются паломники. Все эти отрасли торговли находятся в руках мелких торговцев, обирающих паломников и получающих завидные барыши. Чтобы избавить наших богомольцев от разного рода злоупотреблений и от частого соприкосновения с людьми самой низкой нравственности, Обществу следует самому открыть такие магазины, обещающие дать значительные доходы, которые оно может употребить для расширения своих благих начинаний.

Не входя в рассмотрение подробностей, позволяю себе высказаться о том, что начало [указанным мерам] надо положить со скупки, не останавливаясь дорогой ценой, мест около самих стен подворья, занятых рядом грязных лачужек, торгующих соблазнительным для наших богомольцев товаром, т. е. вином, водкою и пивом, против которых, к сожалению, наш народ не в силах устоять. Места эти по их приобретении следует застроить магазинами Общества, народной читальней, чайной, меняльной лавкой, конторой справок и т. д. ...

Не лишним считаю заметить, что большое противодействие нашим стремлениям в этом направлении встречается, как это ни странно, со стороны греческого духовенства, стремящегося сосредоточить в себе все представительство в Святой Земле и недоброжелательно относящегося к расширению влияния какой-либо [славянской] народности. Ввиду этого приходится очень сожалеть, что обильные пожертвования наших богомольцев направляются не на поддержание и украшение святынь, а на увеличение фондов местного греческого духовенства, употребляющего их по своему усмотрению.

Заканчивая обзор своего пребывания в Иерусалиме, не могу не высказать сожаления, что о плодотворной деятельности Имп. Палестинского Общества у нас известно значительно менее, чем оно того заслужива-

ет, и я с уверенностью позволяю себе заявить, что более энергичное распространение в народе сведений о его симпатичных трудах и достигнутых результатах привлечет много новых пожертвований, а широкое оповещение о своей деятельности принесло бы Обществу, возможно, большую популярность и материальные средства <...>

22-го апреля броненосец вышел из Яффы и 23-го вошел во вновь устроенную гавань – убежище города Бейрута <...> На рейде мы застали турецкий военный пароход “Измаил” и миноносец. Обменявшись салютом с берегом, броненосец по входе в порт расцвелся флагами по случаю тезоименитства Государыни императрицы Александры Феодоровны <...> В Бейруте я и офицеры броненосца были объектом горячего внимания многочисленного православного населения, к которому принадлежит большая часть бейрутского богатого и влиятельного мира, устроившего здесь ввиду прибытия броненосца непрерывный праздник. *Как всюду на Востоке православный элемент населения, видящий в России самую могущественную державу, имеет к ней, как исконной его покровительнице, неизменное тяготение* (здесь и далее курсив мой. – А. Х.). Особенно ясно оно проявилось в последнее время, когда на поддержание православия и его защиту в Сирии мы стали обращать серьезное внимание, причем раньше, чем широкая и энергичная пропаганда католичества, опирающаяся на огромные материальные средства, назначаемые для этой цели из Рима, пообещала в ближайшем будущем обратить в католиков большую часть сирийцев и арабов. *Устроенные в Сирии православные школы с русским учебным составом при влиятельном покровительстве наших консулов явились оплотом православия, к которому как к своей естественной древней вере массами стали обращаться жители Сирии всех сословий, чувствуя, что под могущественным покровительством России, стоящей за этим [святым] делом, им будет вполне безопасно исповедывать религию, соответствующую их [духовной] склонности.*

Турецкое правительство с безразличием относится к соперничеству между миссионерами различных вероисповеданий, между которыми, однако, существует в значительной степени острая борьба. Поэтому удивительные успехи православия в последнее время возбуждают здесь большую зависть [адептов инославных религий]. Если сопоставить

прочно утвердившуюся здесь богато обставленную миссионерскую деятельность католиков, в распоряжении которых имеются прекрасные здания, церкви, больницы и школы, с работой наших школ, довольствующихся ничтожною материальною помощью и ютящихся на окраинах города в бедных тесных помещениях среди преимущественно бедного люда, то надо признать, что все шансы на успех и будущность находятся в руках католиков. Только естественною склонностью местных жителей к православию и горячей, близкой к фанатизму преданностью отдельных личностей делу православного просвещения можно объяснить наши необыкновенные успехи последнего времени <...> Поэтому удачные начала нашей православной просветительной деятельности, а с этим вместе и укрепление нашего влияния в Сирии, если таковые цели в видах [нашего] правительства, должны получить его вещественную и нравственную поддержку, причем желательно, чтобы эта поддержка в материальном отношении соответствовала тому, что имеют католики.

В Бейруте имеется несколько православных школ. Часть [из них] принадлежит Палестинскому Обществу, а другая – частному лицу – г-же Эмили Сюрсок. Первых школ – две. Ими заведует г-жа Черкасова, глубоко преданная делу. В этих школах воспитывается более 500 детей, преимущественно из беднейших христианских семейств, живущих в кварталах, где открыты школы. Вторых школьных заведений, содержимых на средства г-жи Сюрсок и находящихся на ее попечении, также две, причем одна из них совершенно подобна школам Палестинского Общества, в которой воспитывается до 350 детей. Другая школа – платная, [она] предназначена для обучения [детей] интеллигентных родителей – с программой средне-образовательных заведений. Ее цель – дать молодым девицам необходимое образование, не прибегая к помощи местной католической коллегии, единственного учебно-воспитательного центра этого рода, где, как и во всех католических учебных учреждениях, пропаганда католицизма играет важную роль².

Из Бейрута [я] вместе с офицерами ездил в Дамаск, где по просьбе нашего консула стат. сов. Беляева посетил школы Имп. Православного Палестинского Общества и в день рождения августейшего Председателя

Общества великого князя Сергея Александровича в местном соборе присутствовал на торжественной обедне, которую служил вновь избранный Патриарх Антиохийский Мелетий. Молитвословия и песнопения при этой службе попеременно совершались на русском, греческом и арабском языках.

В Дамаск я ездил в качестве частного лица-путешественника <...> Здесь, так же как и в Бейруте и остальных посещенных затем мною местах, ликование православного населения по случаю прибытия русского военного судна и русских людей было очень велико <...> Радостным для сирийцев событием, совпавшим [по времени] с нашим пребыванием, было избрание нового патриарха из арабов <...> Событие это считается важным, ибо оценивается как один из первых шагов к обретению арабской церковью той независимости, какую так не желает допустить греческое духовенство, которое считает, что четыре патриарших престола, обыкновенно занимаемые греками, это – четыре столпа, на чем зиждется все здание панэллинизма <...> В течение около 200 лет антиохийский престол занимали, как известно, греки, несмотря на постоянные протесты сирийцев. И теперь вся Сирия с глубочайшим интересом ожидает исхода борьбы за антиохийский престол, долженствующий разрешиться утверждением турецким султаном вновь избранного патриарха Мелетия, если интриги греческого духовенства не окажутся в силах повлиять на это решение.

Перед уходом из Бейрута я вместе с офицерами броненосца дал местному обществу бал в ответ на множество развлечений, устроенных им для меня и офицеров военного судна.

4-го мая вместе с генеральным консулом ст. сов. Лишиным, пожелавшим на нашем судне осмотреть некоторые порты своего генконсульства, отправился из Бейрута в Триполи и там вместе с [российским] консулом посетил школы Палестинского Общества. Положение, которое мы начинаем здесь занимать с устройством школ, [для местного населения], вызывает, на мой взгляд, необходимость назначения сюда российского консула, о чем очень просят русские, [преподаватели], служащие в этих школах»³.

Сведения о православных школах в Палестине и Сирии, приведенные в вышеизложенном (с небольшими сокращениями) донесении контр-адмирала Н.И. Скрыдлова,

существенно дополняет доклад действительного члена ИППО генерал-майора М.И. Караулова⁴, представленный им великому князю Сергею Александровичу в Москве 10 апреля 1902 г. после возвращения из поездки в Святую Землю. Для ознакомления с содержанием этой докладной записки, дающей довольно подробную и конкретную информацию о состоянии российских православных школ в Палестине и Сирии на рубеже XIX–XX веков, ниже приводим ее текст с незначительными сокращениями:

«Вашему имп. Высочеству благоугодно было 18 февраля с. г. во время представления моего Вашему Высочеству повелеть: в проезд мой по Палестине осмотреть школы Палестинского Общества, а по возвращении отсюда доложить Вашему Имп. Высочеству о моем впечатлении.

Вследствие кратковременных остановок пароходов вблизи тех городов, где имеются школы Имп. Православного Палестинского Общества, а также недолговременного пребывания в Иерусалиме, я имел возможность посетить только некоторые из них и то почти поверхностно.

Насколько представлялась возможность исполнить столь лестное для меня поручение и волю Вашего Императорского Высочества, я, посетив хотя и некоторые из школ в Сирии и Палестине, вынес [о них] самое приятное и отрадное впечатление, как по своему устройству, так и по обстановке в них. *А существование русских школ среди мусульманского, греческого и в большинстве [случаев] арабского населения наполнило мое сердце гордостью, тем более, что, быть может, в недалеком будущем эти рассадники русской культуры и просвещения дадут неожиданные плоды в благодарном уже теперь населении этих стран.* Оно не забудет забот и жертв русского общества, а главное, деятельности Имп. Православного Палестинского Общества, находящегося под высоким руководством своего августейшего Председателя и бывшего паломника Палестины, лично посетившего дважды и Палестину, и палестинские школы в 1887 г. в спутствии Ея Высочества государыни Великой княжны Елизаветы Феодоровны⁵. Это паломничество и эта высокая честь посещения русских школ никогда не забудутся в странах, ищущих света. Некоторые школы, например, в Бетджале, Вифлееме, Байдахуре и других [местах], не имея портретов Августейшего Председателя и Ея

Высочества Великой княгини, убедительно просили меня заявить их почтительную просьбу о присылке этих портретов.

Глубоко сожалею, что время не позволило мне ближе познакомиться с посещенными мною школами и совершенно лишило возможности посетить школы и учреждения Палестинского Общества, находящиеся вне маршрута моей поездки в Палестину. Должен еще сказать о выраженном мне сожалении лиц, начальствующих над школами, что наши учебные учреждения в Сирии и Палестине не посещаются лицами, случайно проезжающими туда, и весьма редко бывают удостоены посещения членами наших консульств и даже живущих там представителей Палестинского Общества <...> Почти во всех школах в нашем присутствии (мне сопровождала моя жена) пели по-русски гимн в честь нашего возлюбленного Государя Императора <...> До какой степени доходит обожание к имени русского императора, может служить [свидетельством] следующее: в большие праздники арабы приносят в церкви портреты нашего государя императора, ставят их на видном месте и убирают цветами, а после богослужения [прихожане] даже целуют их. Выражению арабами публичных симпатий ко всему русскому не препятствует даже присутствие турецких властей, которые, впрочем, в последнее время к русским стали благосклонны. Много горжусь тем, что могу быть выразителем благоговейного почитания [учащихся и преподавателей] бейрутских школ к Ея Императорскому Высочеству Великой княгине Елизавете Феодоровне, и счастлив представить Ея Высочеству опыты рукодельных работ [воспитанниц] школы Св. Пророка Илии в г. Бейруте.

Посещая школы, мы с удовольствием видели в них прекрасный порядок, возможный только в благоустроенных заведениях. Все дети, среди них есть даже четырех- и трехлетние, опрятно одеты, причесаны, а лица и руки их чисто вымыты. С большим вниманием все они слушают своих учителей и учительниц, которые с замечательным тактом, терпением и лаской объясняют детям свои предметы. Особенное умение во время занятий [с преподавателями] требуется для детей младшего возраста – из детского сада, где, между прочим, есть и [очень] маленькие дети, с большою охотой посещающие школу.

При входе в одну из школ в Бейруте в 8 час. утра мы застали всех [учащихся] в

большом зале за молитвою. При подаче звонка на перемену девочки выходили из классов, расположенных по обеим сторонам зала, не торопясь, друг за другом и [выстроившись] в две линии, выходили во двор. Там они играли и свободно бегали, но лишь услышав звонок к началу занятий, они еще во дворе становились в две шеренги одна за другою и таким образом возвращались в классы. Почти то же самое мы видели и в других школах.

Учительская семинария в Бетджале (в шести верстах от Иерусалима) ныне представляется образцом [для] всех женских школ в Палестине и рассадником [или главным центром подготовки] настоящих и будущих [кадров] учительниц в школах Палестинского Общества. В семинарии [обучается] 36 воспитанниц, из них пять [девушек] учатся в старшем классе, которым оканчивается курс всего обучения. Помещение [семинарии] в доме Палестинского Общества – прекрасное: [чувствуется] порядок и заботливость. Начальницы всех иерусалимских школ [бывшие воспитанницы] Евдокии Михайловны [Таракановой] видны повсюду. Гардеробом заведует одна из учительниц. Платье и белье хранятся в шкапах на полках, отдельно для каждой пансионерки. Национальные костюмы синего цвета – довольно простые, недорогие и вместе с тем красивые, особенно праздничные – с вышитыми нагрудниками и поясами-шарфами.

На питание пансионерок отпускается по 10 франков в месяц (около 6 руб.) на каждую, что лишь едва достаточно и только при условии остатков [продуктов] от каникул и питания во время постных дней, когда содержание пансионерок обходится дешевле. В скромные дни бывает перерасход почти вдвое. Независимо от учебных занятий, на которые отпущено почти все время, с 7 час. утра до 4-х час. пополудни, пансионерки заняты почти всеми хозяйственными работами. Они убирают комнаты, моют полы, [стирают] белье, а иногда помогают на кухне либо ухаживают за огородом. Вообще они подготовляются к жизни не только как образованные барышни, но и как будущие учителя и труженицы, готовые к всяким невзгодам <...>

Иерусалимские школы, как я уже говорил, находятся в ведении начальницы Евдокии Михайловны Таракановой, имеющей жительство в Бетджале, где, кроме учитель-

ской семинарии, имеется еще одна образцовая школа с сотнею учениц и учеников, которые разделены на четыре отделения: смешанная и начальная школы с 170 учениками и ученицами, обучающимися в трех классах, и детский сад, где до 110 учащихся. Всего в школах Бетджалы 416 учащихся, две учительницы и два учителя. Кроме четырех преподавателей, два раза в неделю приходит врач иерусалимской больницы, который преподает [основы] гигиены.

В вифлеемской школе – в двух верстах от Бетджалы [обучается] 205 учащихся в пяти классах при пяти учительницах. Так как эта школа новая, то Е.М. Таракановой приходится бывать в ней почти ежедневно и присылать из Бетджалы еще двух учительниц на два часа. 80 учениц с двумя учительницами находятся в Бедсауре (в одной версте от Вифлеема), куда можно пройти только пешком или [проехать] на ослике.

В Иерусалиме школа помещается в нижнем этаже дома, занимаемого [Российской] духовной миссией. В ней обучается 102 чел., поделенных на пять групп. Кроме [школьников] здесь в свободное от занятий время четыре раза в неделю по два часа обучаются грамоте желающие [того] паломницы, а иногда и паломники в возрасте от 16 до 50 лет и старше. Всех [таких] учащихся только 30 чел. за невозможностью принять более. На предложенные мною некоторые вопросы по арифметике [учащиеся] давали довольно правильные ответы, и почти все они могут, хотя и с трудом, читать и писать.

Инициатива открытия этой школы и безвозмездные занятия в ней с такими учениками и ученицами, большую часть довольно взрослыми и даже [великовозрастными], принадлежит супруге [помощника] управляющего Палестинским подворьем в Иерусалиме Елене Максимовне Алексеевой.

В Бейруте функционирует пять школ Палестинского Общества, находящихся под непосредственным и постоянным наблюдением давней труженицы этого святого дела Марии Александровны Черкасовой. В школах этих обучается 900 девочек и 200 мальчиков (последние [находятся] только в детском саду). Кроме М.А. Черкасовой и ее помощницы А.Д. Абдо в школе преподают 29 учительниц. Главная школа Св. Илии Пророка помещается в прекрасном двухэтажном доме, построенном Марией Александровной на свои средства, а остальные – в наемных помещениях.

В Триполи и Эльмине существует по одной женской и по одной мужской школе. Мужские школы помещаются без платы [за аренду] в обширных церковных домах, отведенных им с разрешения митрополита, а женские помещены также бесплатно в домах, даваемых от Общества. В женской школе Эльмины, находящейся под началом Ольги Акимовны Худобашевой, обучается 350 девочек и 7 мальчиков при 15 учительницах, из которых трое окончили курс учебы в Бетджалском пансионе. 280 учеников насчитывается в мужской школе Эльмины. Она находится в ведении Акеля Христофора, получившего образование в России. Всех учителей в этой школе – семь человек, из которых Константин Азар получил образование в Московской учительской семинарии.

В женской школе в Триполи обучается 240 девочек, поделенных на семь групп. Начальницей школы является Г.А. Юдина, в ведении которой находятся семь преподавательниц. В мужской школе в Триполи занимается 263 ученика под руководством восьми учителей. Начальник школы г-н Асаф Жерьес получил образование в России.

Преподавание в школах идет в соответствии с инструкцией и программами, полученными от Имп. Православного Палестинского Общества.

Мое пребывание в Палестине совпало со временем получения там телеграммы об издании Его Величеством турецким султаном фирмана о признании законными существующих [православных] палестинских школ. По этому [случаю] распоряжением управляющего российским подворьем в Иерусалиме Николая Яковлевича Алексева было отслужено торжественное молебствие в Троицком соборе с провозглашением многолетия нашему Императорскому Дому. После этого последовало угощение обедом и конфетами прибывших на праздник преимущественно старших по возрасту детей в числе 260 чел. Затем [состоялось] гулянье в саду, для которого был приглашен турецкий оркестр военных музыкантов. Трудно описать удовольствие и радость детей, многие из которых до сих пор не бывали в Иерусалиме. Войдя во время гулянья в сад, я был приятно удивлен русским гимном, дважды повторенным турецким оркестром.

Благодаря любезности Николая Яковлевича Алексева и врача [российской] больницы я с удовольствием осмотрел все уч-

реждения Палестинского Общества в Иерусалиме и могу смело сказать, что они находятся в надлежащем порядке. Обед, отпускаемый паломникам из двух блюд (щи и каша) за плату в 10 коп. с правом брать с собою оставшийся хлеб, – обильный, сытый и вкусный. Но, к сожалению, обедом пользуются 300–400 чел., т. е. менее 10% от числа паломников, живущих в подворье. Остальные продовольствуются сухарями и тем, что приносят с собой, т. е. живут впроголодь. Помещения для паломников нельзя назвать просторными ввиду скопления в них [людей]. Во время моего посещения было более 5 тыс. чел.

Больница [содержится] в образцовом порядке. Больные одеты опрятно, воздух в палатах чистый, пища – хорошая. [При мне] больных было 54 чел. Кроме стационарных больных, в передней комнате ожидали приема врача более 100 паломников амбулаторных.

Заканчивая свой краткий доклад, заключающийся в выдержках из того, что я мог увидеть в Сирии и Палестине, я позволяю себе принести Вашему Императорскому Высочеству почтительную благодарность за оказанное мне внимание вышеуказанным повелением Вашего Высочества, исполнить которое я считал за особую честь и счастье»⁶.

Для иллюстрации распорядка дня в российских православных школах в Палестине и Сирии приведем отрывок из письма учительницы М.С. Савельевой:

«Я разделила детей на три группы: 1) самые маленькие, которые приходят только играть и учиться говорить; 2) самые работающие, которые учатся и читать, и писать; 3) самые большие, которые приходят только слушать Евангелие и работать, т. е. шить, вязать, вышивать, кроить. Дети приходят в 7 час. утра и до 8,5 их моют, причесывают и приводят в порядок. К 8,5 – общая молитва и [чтение] Евангелия. В 9,5 дети расходятся по классам и отдыхают 1/4 часа. Потом учатся два часа и без 10 мин. 12-ть идут обедать.

К 2 часам школа опять в сборе, и от 2-х до 4-х мы работаем, поем и учимся, *говорим по-русски*. Маленькие уходят довольно скоро, а большим приходится не раз напоминать, что пора уже идти домой, что школа [и ее занятия] уже окончены. От 4-х до 6,5 час. я отдыхаю и в это же время обедаю. С 7 до 8 час. приходят дети нашего хозяина брать уроки по французскому языку. Каждый день

дети работают и затем вяжут чулки. Можете представить, сколько спущенных петель нужно поднять каждый вечер».

Ниже приводим еще одну выписку из письма М.С. Савельевой, не требующую, как впрочем и предыдущая, особых комментариев. Вот что сообщает автор письма:

«То, что другим надо приобретать золотом, нам, русским, это дается даром. *Все здесь любят русских и надо видеть радость и приветливость [местных жителей-аборигенов], когда приходят сюда русские* <...> Никто [хорошо] не знает, что такое Россия, но с этим словом связано все русское»⁷.

Для определения характера взаимоотношений россиян-преподавателей православных школ с местными турецкими властями весьма характерен эпизод, описанный учительницей М.С. Савельевой:

«27 октября посетил мою школу [турецкий] паша из Акры. Дети встретили его с пением <...> Он был очень доволен, узнав, что у меня обучается много мусульманок, и изъявил желание их увидеть. Осмотрев работы детей, он от них принял поднесенное ими питье и, поблагодарив меня, сказал: “Много раз бывал я в Назарете и посещал все учебные заведения, но подобных успехов и работ не видал. Английская школа давно существует, но [таких] работ мы в ней не видели. Много слышал хороших отзывов о Вашей школе, но, признаюсь, не доверял им. Теперь уже могу заявить, что то, что я сам увидел, даже превосходит то, что о Вашей школе говорят. Она заслуживает больших похвал!” Он уехал, пообещав всегда и во всем [оказывать] свое содействие»⁸.

Любопытное свидетельство о просветительской деятельности россиян находим и в отчете ИППО, прочитанном секретарем Общества М.П. Степановым на заседании 12 февраля 1888 г. В этом отчете, в частности, говорилось: «22 сентября прошлого [1887] года нами открыта в Бейруте школа для приходящих девочек, которую мы поручили М.А. Черкасовой, женщине опытной и прожившей с лишком три года в Японии. К концу года в школе было около 150 девочек». В письме от 22 ноября 1887 г. М.А. Черкасова сообщала: «43 девочки 1-го класса меня утешают своим быстрым развитием, ревностью и охотою слушать преподаваемое им. *Овладение же русским языком движется столь быстро, что собственным ушам иногда не верю* и заставляю повторить сказанное, с наме-

рением убедиться в действительности слышанного»⁹.

Подводя итоги вышеприведенной нами информации с ее оценками просветительской работы россиян – преподавателей российских православных школ в Палестине и Сирии, следует особо подчеркнуть, что это лишь один из важнейших аспектов гуманитарной деятельности Имп. Православного Палестинского Общества, связанный с подготовкой из местных жителей Ближнего Востока квалифицированных кадров педагогов, необходимых для развития и совершенствования новой системы образования, складывавшейся в упомянутых странах в условиях господства старых традиционных форм обучения молодежи. Как свидетельствуют приведенные выше материалы, от успехов православных школ России во многом зависел ее авторитет и престиж не только на Ближнем Востоке, но и в международном масштабе.

Примечания

¹ Николай Илларионович Скрыдлов – морской офицер и флотоводец, родом из дворян Смоленской губернии. Он родился 1 апреля 1844 г., образование получил в Морском кадетском корпусе, из которого вышел в 1862 г. гардемарин. В 1864 г. его произвели в мичманы, а в 1868 г. – в лейтенанты. Когда началась русско-турецкая война, он добровольцем отправился на Дунай, где, командуя боевой шлюпкой «Шутка», в 1877 г. был ранен в обе ноги и за проявленное в бою мужество был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1882 г. его назначили начальником отряда миноносков Балтийского флота, а с 1898 г. ему довелось командовать отрядом военных судов в Средиземном море. В 1900 г. он в чине вице-адмирала в течение почти двух лет командовал Тихоокеанской флотилией. В последующие годы его служба в качестве главнокомандующего протекала на Черном море. После начала русско-японской войны и гибели вице-адмирала С.О. Макарова на броненосце «Петропавловск», подорвавшегося на mine у Порт-Артура 31 марта 1904 г., его вновь назначили командующим Тихоокеанским флотом.

Н.И. Скрыдлов был хорошо знаком с известным художником-баталистом В.В. Верещагиным, с которым учился в Морском кадетском корпусе, но был младше его курсом. В период русско-турецкой войны оба находились на военной шлюпке «Шутка», действовавшей против турецких войск. Как и командир шлюпки Н.И. Скрыдлов, В.В. Верещагин, находившийся на ней в качестве волонтера, также был серьезно ранен (в бедро). Когда В.В. Верещагин, находясь вместе с С.О. Макаровым на броненосце «Петропавловск», 31 марта 1904 г. трагически погиб, Н.И. Скрыдлов направил вдове художника (Л.В. Ве-

репцагиной) телеграмму с выражением глубокого сожаления в связи с ее тяжелой утратой. Подробнее см.: «Новое время», № 10087 (3/16 апреля 1904 г.), «Русские ведомости», № 93 (4 апреля 1904 г.), «Одесский листок», № 92 (8/21 сентября 1904 г.), а также материалы личного архива В.В. Верещагина, хранящиеся в Государственной Третьяковской галерее (ф. 17).

² На неблагоприятные условия, в которых Палестинскому Обществу приходилось заниматься просветительской деятельностью в странах Ближнего Востока на фоне энергичных попыток иностранных миссионеров установить там свой контроль, указывали многие авторы, бывавшие в Святой Земле либо писавшие о ней. Так, М.И. Соловьев, отмечая всеобщее сочувствие восточных христиан к российскому государству и нераздельной с ним ее церкви, в 1893 г. подчеркивал: «То, что в течение [своего] существования устроило в Святой Земле Палестинское Общество, сделано прочно, но недостаточно. Протестантские миссии, невзирая на всеобщую к себе антипатию, упорно вкладывают в свое дело (миссионерской пропаганды. – А. Х.) миллионы рублей, собираемые в богатейших странах Европы и Америки. Не менее 2 млн. франков дает на Палестину католический мир, и миссионеры латинства не перестают в своих журналах взывать к щедрости набожных жертвователей. Русское [же] Палестинское Общество, на котором лежит обязанность поддержания православия, располагает [лишь] членскими взносами и церковным сбором в Вербное воскресенье, дающими в лучший год не более 200 руб. Этих денег едва достает для поддержания только существующих [его] учреждений». (Соловьев М.И. Историческое призвание России в Святой Земле. Публичная лекция, читанная в пользу Эстляндской Общины сестер милосердия Красного Креста в Ревеле 25 ноября 1893 г. Тобольск, 1894, с. 30).

Об усиленной деятельности католических миссионеров в конце XIX – начале XX в. писал и автор статьи «Русская школа в Константинополе», опубликованной 15/28 июня 1904 г. в популярной петербургской газете «Новое время». Говоря об условиях функционирования русской школы в Турции, автор в то же время констатировал довольно весомые успехи католической пропаганды: «Взгляните, что делают католические фрейеры, опутавшие густою паутиною все страны

Ближнего Востока. Хорошо организованные и обставленные в учебно-воспитательном отношении, их школы проводят в массы населения известные идеалы и вербуют себе сторонников <...> Таковыми школами заполнена Палестина, где католическая пропаганда пустила глубокие корни, предупредив проникновение в страну в качестве хозяев наших православных монахов».

³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. «Российское императорское православное палестинское общество» (далее – РИППО), оп. 873/1, 1892-1914, д. 5, л. 51-54 (копия).

Краткую справку о посещении Святой Земли командой броненосца «Александр II» в 1899 г., как и командами других военных судов до и после визита туда контр-адмирала Н.И. Скрыдлова, можно найти в книге: Имп. Православное Палестинское Общество. СПб., 1907, с. 12.

⁴ Любопытная характеристика дана отставному генерал-майору Михаилу Ивановичу Караулову в записке от 10 июня 1962 г., найденной нами в делах Имп. Православного Палестинского Общества. В этом документе, написанном черными чернилами, говорится следующее: «Генерал Караулов – отставной генерал, тип почтенного военного служаки; домохозяин в Сибири, где и живет.

Он явился в Москве Его Высочеству [великому князю Сергею Александровичу] перед отправлением своим в Палестину и произвел очень приятное впечатление. Великий князь попросил его побывать в наших учреждениях и на обратном пути доложить Его Высочеству о впечатлении, которое он вынесет о них. Результат [его поездки] – этот доклад. Доклад – наивный, но для нас симпатичный. Его Высочество приказал препроводить его в Совет [Имп. Православного Палестинского Общества]». (АВПРИ, ф. РИППО, оп. 873/1, 1892-1914, д. 5, л. 53).

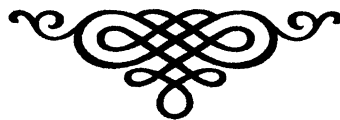
⁵ Ромашков Д., священник. Памяти Великого князя Сергея Александровича // «Московские ведомости», № 100 (11/24 апреля 1905 г.).

⁶ АВПРИ, ф. РИППО, оп. 873/1, 1892-1914, д. 5, л. 74-77.

⁷ Отчет Православного Палестинского Общества за 1885-1886 гг. СПб., 1886, с. 145.

⁸ Там же, с. 172.

⁹ Отчет Православного Палестинского Общества за 1887-1888. СПб., 1888, с. 10.

О.В. Соколовская (Институт славяноведения РАН)

РОССИЯ В МИРОТВОРЧЕСКОЙ АКЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ НА КРИТЕ

С конца XX столетия обычным стало решение сложных международных проблем с помощью так называемых «миротворческих операций». Первая же миротворческая акция была проведена сто лет назад, в 1897–1909 гг. на Крите, и Россия приняла в ней активное участие. Автору данной статьи посчастливилось обнаружить в Историческом архиве Крита в фонде «Архив императорского русского генерального консульства на Крите (1860–1919)» неизвестные «Дневники русского экспедиционного отряда на Крите», доступа к которым ранее не было по политическим соображениям. Этот фонд был сформирован и передан в Исторический архив Крита после разрыва дипломатических отношений между Грецией и Россией в 1919 г., и о нем предпочитали не вспоминать. Использование «Дневников», наряду с богатыми материалами российских архивов, позволяет по-новому раскрыть неизвестные стороны российской политики на Ближнем Востоке, в том числе участие России в европейской миротворческой акции на «Великом острове Средиземноморья».

С конца XIX в. великие европейские державы уделяли особое внимание одному из важных стратегических форпостов Восточного Средиземноморья – острову Крит, где вспыхнуло очередное восстание греческого населения, требовавшего немедленного присоединения острова к Греции. Восстание 1895–1896 гг. носило ярко выраженный национальный и религиозный характер. Как и предыдущие восстания (1841, 1858, 1866–1869, 1878 гг.), оно было вызвано, с одной стороны, жесткой политикой турецких властей на Крите, направленной на усиление своего господства и обращение греков-критян в мусульманство, а с другой – горячим желанием греческого христианского населения острова вырваться из орбиты исламского мира. В результате православные греки и уже вдвое превосходившие их по численности мусульмане (также в основном греки) находились в постоянной взаимной вражде, переходившей в кровавые столкновения. Критский вопрос, все

более сопрягавшийся с необходимостью защиты христианства и европейских ценностей на Крите и на всем Ближнем Востоке, оказался в центре пресловутого «восточного вопроса» и вызвал к жизни первую в истории XX в. миротворческую акцию великих европейских держав.

Королевство эллинов, созданное при поддержке европейских держав в результате войны греков за независимость в 1821–1829 гг., оставляло за своими границами под османским владычеством большую часть греческого населения и территорий. Это вызвало к жизни великодержавную доктрину – «Мегали идея», которую поддерживали греки по всему миру. Крит с его греческим населением считался неотъемлемой частью греческого мира и подлежал присоединению к Греции. Великие державы признавали законность требований критян, однако сроки присоединения постоянно отодвигались по многим, важным для самих великих держав, соображениям. Поэтому критяне и греческие политики решили, что только вооруженная борьба против турецкого гнета на острове и восстание могут привлечь внимание великих держав к критскому вопросу.

В связи с событиями на Крите осенью 1896 г. Австрия, Великобритания, Германия, Италия, Франция и Россия прислали в критские воды военно-морские эскадры. Крит не утихал, а в январе 1897 г. мусульмане устроили настоящее избиение христиан, которые вынуждены были спасаться на военных кораблях великих держав. В конце января вожди повстанцев (инсургентов) собрались на полуострове Акротири, где сформировали отряд в 650 человек и подняли греческий флаг. По указанию итальянского вице-адмирала Н. Каневаро восставшие подверглись бомбардировке. Но пока державы искали оптимальное решение критского вопроса и пытались выработать проект реформ, Греция спутала своими действиями все карты и предприняла попытку захватить остров силой. В феврале, с одобрения греческих националистов и короля Георга I, на острове высадилось 1500 вооруженных греков во главе

с полковником Вассосом, которые приступили к военным действиям против турецких гарнизонов совместно с повстанцами. Единственной поддержкой держав было запрещение турецким властям предпринимать наступательные действия против повстанцев.

На конференции послов в Константинополе в начале марта было принято решение об объединении усилий великих держав «для умиротворения острова», чтобы остановить беспорядки, помешать грекам присоединить Крит к Греции и предотвратить греко-турецкую войну, которая могла привести к непредсказуемым последствиям для Европы в целом. В совместной ноте держав, предъявленной Турции и Греции, сообщалось, что они не допустят присоединения Крита к Греции, но одновременно требуют от султана предоставить Криту автономию. Султан согласился, и 6 марта великие державы опубликовали ноту, в которой Крит объявлялся автономным.

Военно-морские силы шести великих держав приступили к блокаде Крита и высадке близ его столицы – Кане (Ханье) смешанного морского десанта в 500 человек. Через три недели морской десант был заменен сухопутными войсками. За исключением Германии, сухопутных войск не приславшей (и державшей только один корабль в критских водах), остальные державы прислали на остров по два батальона, а Англия и Италия, наравне с Россией – еще по одной горной батарее¹. Германия и Австрия через год отказались участвовать в оккупации и эвакуировали свои небольшие силы с острова, не желая терять своего влияния в Турции. Присылкой на остров Крит своих «миротворческих сил» великие державы преследовали две цели – подавление беспорядков и поддержание status quo в регионе, желая не допустить глобального взрыва. На автономном острове было введено временное управление «совета адмиралов» четырех держав, остров был поделен на зоны.

Вспыхнувшая в мае скоротечная греко-турецкая война, окончившаяся полным разгромом Греции, передала решение критского вопроса в руки великих держав. В связи с этим державы увеличили к осени строевой состав миротворческих сил до 7 тыс. человек. Турецкие войска имели 10 тыс. человек.

На Крите Россию представлял Отдельный отряд судов Средиземного моря под командованием контр-адмирала Н.И. Скрыд-

лова (входившего в «совет адмиралов»), и Экспедиционный отряд русских императорских войск. Русские силы, размещенные в основном в г. Ретимно и окрестных провинциях, вскоре были укомплектованы до размеров военного времени и задержались на Крите на целых 11 лет. Первым начальником русского экспедиционного отряда был полковник Ф.А. Шостак, который заслужил искреннее уважение критян «за его полезную для ретимнского округа деятельность»: благоустройство города, улучшение его санитарного состояния, создание благотворительного фонда помощи малоимущим, восстановление сношений между мусульманами и христианами, за активное участие русского отряда в жизни православного населения и многое другое. Именем Шостака была названа набережная в Ретимно, а в Кане одна из улиц получила и носит до сих пор имя Скрыдлова.

Сами критяне возлагали большие надежды на помощь европейских держав, и более всего – России. Герой Великого критского восстания Хаджи-Михали, получавший пенсию от России, возглавил делегацию критян, направившуюся с просьбой о помощи к русскому посланнику в Афинах М.К. Ону. Посланник делегацию не принял, а критскому герою сообщил, что критяне могут «сохранить благоволение России только спокойствием и терпением». Генеральный консул России на Крите Н.Н. Демерик также напомнил критянам, что «все исторические события подготавливаются исподволь», а «любой поспешный шаг может лишь затормозить решение вопроса». В этом же ключе действовали и дипломаты других европейских стран. В свою очередь Ону и его коллеги сообщали своим правительствам о необходимости заставить Турцию соблюдать дарованные права христианам Крита².

Россия, наряду с отказом способствовать осуществлению законного требования греческого народа к объединению Греции с Критом, населенным преимущественно греками, сделала все возможное, чтобы смягчить для Греции удар после ее разгрома в скоротечной греко-турецкой войне 1897 г. Она оказала островитянам щедрую материальную помощь, чтобы сократить отток с острова беднейшего греческого элемента.

В конце августа – начале сентября 1898 г. в английском секторе в Кандии (Ираклионе) начались беспорядки, которые привели к